

18+

СЕРГЕЙ ПАВЛОВ

ПЕШКА

тайная
игра

книга первая

Сергей Павлов

Тайная игра — Пешка. Книга I

«Издательские решения»

Павлов С.

Тайная игра — Пешка. Книга I / С. Павлов — «Издательские решения»,

Перед вами начало романа-фэнтези «Пешка». Это многослойная, атмосферная и психологически насыщенная история о судьбе, выборе, взрослении и борьбе с невидимыми силами, управляющими миром. Книга сочетает элементы героического фэнтези, философской притчи и семейной драмы. Повествование строится вокруг двух временных линий: настоящее, где Айра вместе с матерью Ирен скрывается от преследователей, и прошлое, раскрывающее тайну рождения Айры, её родителей и мира, в котором они живут.

© Павлов С.

© Издательские решения

Содержание

К читателю	7
Пролог	8
ЧАСТЬ I	13
Глава 1	13
Глава 2	20
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	34
ЧАСТЬ II	39
Глава 6	39
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Тайная игра — Пешка Книга I

Сергей Павлов

© Сергей Павлов, 2026

ISBN 978-5-0070-6313-5 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-6317-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЕРГЕЙ ПАВЛОВ

П Е Ш К А

тайная
игра
книга первая

К читателю

Мечты — это краски нашего мира

Эта книга родилась из любви к мирам, которых нет на картах, но которые живут в нашем воображении. Из веры в то, что мечты — это не побег от реальности, а её краски. Без них мир стал бы серым, плоским и невыносимо скучным.

Я писал «Пешку» с трепетом и волнением, вкладывая в каждую главу частичку своей души. Мне хотелось создать историю, которая заставит вас задержаться на странице, забыть о времени и, может быть, взглянуть на привычные вещи иначе. Историю о выборе, о смелости быть собой и о том, что даже самая маленькая фигура способна изменить правила игры.

Если эта книга нашла отклик в вашем сердце — значит, я писал её не зря.

Спасибо, что отправились в это путешествие вместе со мной и Айрой.

С уважением и любовью к фантазии,
© Сергей Павлов

Пролог

За четырнадцать лет до

Храм стоял на краю мира. По крайней мере, тогда ей так казалось.

Он взбирался на вершину холма, как древний корабль, навсегда застывший перед прыжком в пропасть. Колонны из серого камня, покрытые трещинами, уходили в небо, теряясь в низких облаках. Когда-то таких храмов было двенадцать — по числу древних богов, которым здесь поклонялись. Теперь осталось только семь. Остальные рухнули, превратившись в груды щебня, поросшие мхом.

Ирен помнила, как пахло внутри — старым камнем, вековой сыростью и чем-то ещё, неуловимым, горьковато-сладким, будто сам воздух здесь был старше, чем где-либо, старше самого времени. Стены, сложенные из тех же серых глыб, что и колонны снаружи, уходили ввысь, теряясь в густом, непроглядном мраке под сводами. Редкие лучи света, пробивавшиеся сквозь трещины в кровле, падали вниз косыми пыльными столбами, выхватывая из темноты то фрагмент древней фрески, то тусклый камень, то гнезда различной лесной живности. Окна — узкие, похожие на бойницы, — были забраны ржавыми решётками и почти не давали света, но сквозь них сочился холодный сквозняк, заставлявший пламя редких факелов метаться и дрожать. Пол выстилала мозаика, которую никто не видел целиком веками: тусклые смальты скрывались под слоем пыли и спрессованной земли. В полумраке, у дальней стены, темнела громада алтаря — огромная каменная плита, на которой когда-то приносили жертвы. Теперь она служила лишь пристанищем для летучих мышей, чей тонкий писк изредка прорезал тягучую тишину.

У алтаря, впечатав колени в холодный пол, стояла Ирен. Взгляд её был прикован к собственным рукам. Пальцы дрожали, мелко и неостановимо, и она ничего не могла с этим сделать.

— Ты можешь уйти.

Голос прозвучал из темноты. Мягкий, спокойный, почти безразличный — но Ирен слишком хорошо знала говорившего, чтобы поверить в это спокойствие.

— Не уйду. — Собственный голос отозвался в тишине ровно, и это удивило её саму. Дрожь в пальцах неожиданно улеглась, сменившись странным, почти неестественным покоем.

Из тени выступила мужская фигура. Элиан. На вид — около сорока: выющиеся тёмные волосы уже тронула первая седина, у глаз залегли глубокие морщины. Одет он был в простую, но добротную дорожную одежду, а держался так, словно плечи его укрывал королевский плащ.

— Ты знаешь что я предлагаю, — произнёс он. — И знаешь, чем это закончится.

Ирен подняла голову. Взгляд упёрся в его глаза — светлые, до прозрачности, точно вода в горном озере. Глаза человека, который знает слишком много и давно привык, что его знание никому не нужно. Ему не поверят. Даже пытаться не станут.

— Столько лет! — вырвалось у неё. — Ты говорил, что ищешь ответ множество лет.

— Я сбился со счёта. — Элиан чуть качнул головой. — Уже и не помню, когда начал поиски.

— И ты нашёл ответ?

Элиан медленно опустился на корточки напротив неё. Теперь их лица были на одном уровне. При тусклом свете, сочившемся откуда-то сверху, Ирен увидела, как глубока тень под его глазами, как заострились скулы. Он устал — но не телом. Что-то внутри него, глубже мышц и костей, истерлось до предела. Душа устала.

— Ответ я не нашёл, — сказал он. — Но я нашёл тебя. Это было труднее. И это гораздо ценнее всего, что я искал.

К горлу Ирен подступил тугой ком. Не от страха — от странной смеси гордости и признания, от понимания, что он действительно имеет в виду именно её.

* * *

Они встретились три года назад.

Тогда Ирен носила звание Хранителя — лучшего агента в своём отряде. Хранители верили, что миром правят бессмертные: невидимые кукловоды, для которых люди — лишь фишки в жестоких партиях. Их называли по-разному: Игроки, Созидатели, Вечные. Хранители ненавидели их и охотились на их посредников, перехватывали приказы, распутывали паутину влияния. Убить бессмертного, как считалось, нельзя. Но можно перерезать нити, за которые они дёргают мир, — избавиться от послушных кукол.

Задание, которое ей поручили, выглядело простым. «На юге, в маленьком городке, живёт человек. Имени мы не знаем. Он регулярно встречается с кем-то из *них*. Передатчик. Возможно, связной. Выясни, на кого работает, что передаёт. Если просто пешка — устрани. Если знает больше — приведи на допрос».

Выследить его оказалось несложно. Элиан — так его звали — жил открыто, в доме с садом на окраине. Выращивал травы, заполнял какие-то свитки, никуда не спешил. Идеальное прикрытие для того, кто служит бессмертным: тихий, неприметный, ничей.

Она следила за ним месяц. Потом второй. Ждала, когда он выйдет на связь, передаст донесение, встретится с курьером.

Ничего.

Шифрованных писем не приходило. Подозрительных людей он не принимал. Он просто... жил. Поливал розы. Читал книги. По вечерам выходил на крыльцо и, запрокинув голову, подолгу смотрел на звёзды.

Ирен начала сомневаться. Может, командир ошибся? Может, Элиан — обычный затворник, уставший от мира?

Но одна деталь не давала ей покоя.

К нему приходили люди.

Не каждый день, не каждую неделю, но приходили. И всегда — разные. Крестьяне из соседних деревень, купцы с большой дороги, однажды даже человек в одежде королевского гонца. Они заходили в дом, сидели час-другой, а затем уходили. И после каждого визита в городе что-то неумовимо менялось. Кто-то получал должность без заслуг. Судебная тяжба вдруг решалась в пользу слабейшего. Трактир, которому грозило закрытие за долги, внезапно получал отсрочку.

Мелкие подвижки. Почти незаметные. Но Ирен натренированным взглядом умела их различать.

Элиан был не просто связным. Через него протекали маленькие решения, которые, скапливаясь, превращались в большие последствия. Распределитель.

В какой-то момент она не выдержала. Решила действовать: взять его, вытрясти правду и покончить с затянувшимся заданием.

Она пришла ночью. Перемахнула через забор, бесшумно отворила дверь — он даже не запирает её, этот самоуверенный...

— Чаю?

Голос донёсся из полумрака гостиной. Элиан сидел в кресле, в пальцах — чашка, от которой поднимался лёгкий парок. На столе, рядом со вторым прибором, горела одинокая свеча.

— Я ждал тебя раньше, — сказал он спокойно. — Ты наблюдала почти два месяца. Я уж начал думать, что ошибся в тебе.

Ирен застыла, так и не вытащив кинжал из ножен. Её раскрыли? Как?

— Кто ты? — спросила она, и голос прозвучал глухо, словно сквозь вату.

Элиан аккуратно поставил чашку на стол.

— Я тот, кто тебя ждал. А ты — та, кто ищет ответы. Может, выпьем чаю и поговорим? После этого у тебя пропадёт желание меня убивать.

Она не села. Но руку с рукояти убрала.

— Ты работаешь на них. На бессмертных. Передаёшь их приказы.

— Передаю, — согласился он без тени смущения. — Только не приказы. Просьбы. Иногда — советы. Чаще — маленькие толчки. Бессмертные не любят грубую силу. Они предпочитают, чтобы всё выглядело естественно.

— Ты их пешка.

Элиан усмехнулся. Горькая складка пролегла у губ.

— Все мы пешки. Вопрос только в том, знаешь ли ты об этом.

— Зачем ты это делаешь? — с упрёком предъявила вопросом Ирен. — Платят хорошо?

— Платят. Но не деньгами. — Он задержал на ней взгляд, и в глубине его прозрачных глаз промелькнуло что-то похожее на боль. — Я делаю это, потому что однажды выбрал не ту сторону. И теперь пытаюсь исправить. Но мне нужна помощь.

— От меня ты её не получишь.

— Получишь... — Лёгкая улыбка тронула его губы. — Я расскажу тебе то, чего Хранители не знают. Не потому, что скрывают, — они сами не догадываются.

Желание уходить пропало так же внезапно, как и появилось. Вместе с ним исчезла и мысль докладывать командиру о том, что произошло этой ночью. Ирен осталась. Сначала — из любопытства. Потом — потому что он говорил вещи, переворачивавшие всё, что она знала о бессмертных, об Игре, о тех, кто на самом деле движет миром.

Ирен, уже не контролируя себя от переполнявших её любопытства и удовольствия от общения с Элианом, приходила снова и снова. И каждый новый визит был уже не визитом Хранителя на задании, а визитом человека, нашедшего того, кто говорит правду — или её подобие, достаточно убедительное, чтобы в неё поверить.

Элиан не скрывал своей связи с бессмертными. Не отрицал, что выполняет их поручения. Но когда Ирен спрашивала *зачем*, он каждый раз уходил от ответа.

— Когда придёт время, ты узнаешь. Сейчас рано.

— Твои Хранители, — бросил он однажды с упрёком, — стали такими же, как те, с кем борются. Убивают невинных. Сеют страх. Разве это борьба? Та же Игра, только правила чуть иные. И результат тот же — смерть тех, кто ни в чём не виноват.

— А что ты предлагаешь? — выдохнула она. — Сидеть и смотреть?

— Я предлагаю не играть в их игры. — Он помолчал, и в звенящей тишине ей послышался скрип половиц, хотя оба они не двигались. — Я предлагаю начать свою собственную.

Она так и не поняла до конца, кто он. Предатель? Двойной агент? Человек, забравшийся слишком глубоко и теперь судорожно ищущий выход?

Но к тому моменту это перестало иметь значение.

* * *

Теперь, стоя на коленях в древнем храме и ощущая затылком холод, тянущийся от каменных стен, Ирен понимала: её игра началась в тот самый вечер. Три года назад.

— Ты будешь носить её, — произнёс Элиан. — Девять месяцев. Твоё тело станет её первым домом. А потом...

— Потом я умру.

Слова упали в пустоту. Без надрыва. Без ужаса. Как констатация факта, с которым она уже смирилась.

— Ты можешь не умирать, — быстро возразил Элиан. — Я искал другой способ. Я...

— Нашёл? — перебила она.

Он замолчал. Опустил голову. И этот простой жест — устало опущенные плечи, поникший затылок — сказал Ирен больше, чем любые слова.

— Не нашёл, — договорила за него. — Но ты веришь, что она сможет.

Элиан медленно, словно преодолевая тяжесть вины, оторвал взгляд от каменного пола и поднял глаза на Ирен. В них теплилось то, что она научилась распознавать за три года, — надежда. Отчаянная, почти детская надежда человека, который слишком долго вглядывался в жестокость и отказывался признавать её единственным законом.

— Сможет. — Голос его прозвучал глухо, но твёрдо. — Если захочет. Если ты сделаешь её достаточно сильной, чтобы захотеть.

Веки Ирен дрогнули и сомкнулись, словно занавес, на мгновение отгородив её от всего мира. Перед внутренним взором возникла девочка — её девочка. Будет бегать по утрам босиком по росе, залиvisto смеяться, задавать вопросы, на которые нет ответов. Будет злиться на неё за то, что она слишком много прячет. Возможно, никогда не узнает правду. Или узнает слишком поздно.

— Она будет ненавидеть меня, — прошептала Ирен.

— Она будет любить тебя. — Элиан коснулся её руки. Пальцы его были холодными, почти ледяными, но прикосновение вышло бережным. — Ты дашь ей больше, чем жизнь. Ты дашь ей выбор.

— А ты? Что дашь ты?

Элиан улыбнулся. Впервые за весь разговор. Улыбка вышла печальной, надтреснутой.

— Я дам ей имя.

Ирен медленно поднялась. Резные камни пола охладили ступни даже сквозь подошвы сапог; она сделала несколько шагов к алтарю и провела ладонью по его шершавой, ледяной поверхности.

— Как ты назовёшь её?

— Айра.

Слово прозвучало как музыка. Древнее, из языка, умершего тысячу лет назад. Оно означало «та, кто видит».

— Айра, — повторила Ирен, пробуя имя на вкус.

Что-то внутри неё перевернулось. Не ребёнок — ещё слишком рано. Что-то другое. Принятие того, что происходит, и того, к чему она готовилась.

— Я сделаю это. Не ради твоей игры. Не ради мира. Ради неё.

— Я знаю.

Она обернулась к нему и задала вопрос, который боялась произнести последние три года:

— Ты будешь рядом? Когда придёт время?

Элиан молчал долго. Так долго, что тишина начала давить на уши, а далёкий писк летучих мышей стал невыносимо громким.

— Я не смогу, — выговорил он наконец. — Если они узнают о ней раньше времени, её убьют. Мне придётся быть далеко. Притворяться, что её не существует.

— Ты сильный и трусливый... — без злобы, почти ласково произнесла Ирен.

— Да, — эхом отозвался Элиан, и в этом коротком слове прозвучало смирение, граничащее с облегчением. — Самый трусливый из всех.

Она шагнула ближе, сократив расстояние так, что почувствовала его дыхание на своём лице — тёплое, неровное, пахнущее мятой.

— Тогда сделаем это... — её голос упал до шёпота, а пальцы скользнули по его груди, задержавшись на миг у ворота рубашки, — ...прямо сейчас. Пока я ещё не передумала.

Она смотрела на него так, словно между ними вот-вот должно было произойти нечто совсем иное — то, о чём не говорят вслух, что читается лишь во взглядах и выдает себя дрожью дыхания. Воздух между ними загустел и стал почти осязаемым, а сердце Ирен забилось чаще, чем того требовал ритуал. Её губы едва заметно приоткрылись, и Элиан на мгновение замер, будто в нерешительности — но тут же отвёл взгляд и, бережно взяв её за руку, подвёл к алтарю.

Плита дышала могильным холодом, но Ирен легла на неё без страха, чувствуя, как камень вытягивает тепло из спины.

— Будет больно, — предупредил он.

— Я знаю.

— Не только сейчас. Всё время потом. Всегда будет больно.

— Я знаю, — повторила Ирен. И добавила то, что поняла только в эту секунду: — Но будет и радость. Правда?

Элиан посмотрел на неё сверху вниз. В его глазах блеснуло что-то влажное, похожее на слёзы, хотя он не плакал.

— Правда.

Он положил руки ей на живот. Тепло, лёгкое, едва ощутимое, начало разливаться от его ладоней, растекаясь по телу приятными волнами. Затем тепло сменилось жаром, а жар — обжигающим огнём, от которого перехватило дыхание.

Элиан заговорил на языке, которого Ирен не знала. Слова лились рекой, древней, как эти стены. Воздух в храме загустел и загудел, будто натянутая струна. Камни под ногами нагрелись — тепло поднималось сквозь подошвы, и Ирен чувствовала его даже лопатками, вжатыми в алтарь. Мозаика на полу засветилась: рисунок, веками скрытый пылью, проступил сквозь грязь и заискрился золотом, отбрасывая пляшущие блики на своды.

Ирен почувствовала, как что-то входит в неё. Не через кожу — через душу. Что-то тяжёлое, горячее, пульсирующее в такт её собственному сердцу. Это длилось минуту. Или час. Или маленькую вечность.

Всё оборвалось так же резко, как началось. Свет погас. Гул стих. Остались только звенящая тишина и запах нагретого камня.

Элиан убрал руки. Лицо его стало белым, как полотно.

— Всё, — выдохнул он. — Теперь ты носишь её.

Несколько долгих мгновений Ирен не шевелилась, прислушиваясь к новому, едва уловимому пульсу где-то глубоко внутри. Затем, обессилено выдохнув, она закрыла глаза и вновь позволила себе представить девочку. Маленькую. Смешную. Будет бегать босиком по росе и никогда не узнает, чего стоило её рождение.

— Я готова, — прошептала она в темноту.

И мир изменился.

ЧАСТЬ I

ТИШИНА ПЕРЕД БУРЕЙ

Глава 1

Не высовывайся

Маленький городок под названием Триречье всегда был наполнен жизнью. Хотя река здесь протекала всего одна и к середине лета мелела, превращаясь в ленивый ручей, никто толком не помнил, откуда взялось это имя. Может быть, когда-то здесь и правда сливались три реки, а две исчезли, ушли под землю. Может быть, первые поселенцы просто не умели считать. А может, название досталось от древнего народа, жившего в этих краях задолго до людей, и смысл его давно потерян. Местные старики, когда их спрашивали, лишь отмахивались: «Так называли — и ладно. Не всё ли равно, как называть место, где тебе суждено умереть?» И в этой горькой, безыскусной мудрости было больше правды, чем в любой красивой легенде.

Город лежал в просторной низине, окружённый невысокими, поросшими сосной и берёзой холмами. Стены его, сложенные ещё прадедами нынешних стариков, местами осыпались, но всё ещё стояли крепко, видели и дожди, и морозы, и редкие невзгоды, что выпадали на долю здешних мест. Внутри теснились дома — каменные и деревянные, совсем ветхие и почти новые, с черепичными крышами или просто соломенными заплатами. Улицы петляли, сворачивали неожиданно, иногда упирались в глухие заборы, и только тот, кто вырос здесь, мог безошибочно находить нужный поворот, даже в густых сумерках, когда не видно ни зги.

В Триречье никто никогда не торопился. Люди выходили из домов, здоровались с соседями, останавливались поболтать о пустяках, обсуждали урожай, цены на рынке, новости, доходившие сюда с опозданием в месяц-другой, и сплетни, распространявшиеся мгновенно, как пожар в сухой траве. Этот тихий, сонный, почти забытый богами уголок именно за это его и любили местные жители. Именно таким он был безопасным. Здесь ничего не случилось. Почти ничего.

Дом, где жила Айра, стоял в самом конце тупика, прижавшись спиной к городской стене, словно искал у неё защиты. Старое, покосившееся строение из серого, замшелого камня, с низкой, поросшей мхом крышей и маленькими, подслеповатыми окнами, которые выходили только во внутренний двор. Фасадом оно смотрело на глухой, высокий забор соседей, и единственная дверь вела в крохотный дворик, куда никто посторонний не мог заглянуть случайно.

Ирен выбрала его не просто так. Окна на улицу означали бы, что любой прохожий способен заглянуть внутрь — достаточно повернуть голову. Здесь же, в глубине квартала, можно было заметить приближающегося человека задолго до того, как он подойдёт к порогу. Входная калитка, которую нарочно никто не смазывал, скрипела так отчаянно, что её было слышно за два дома — самый надёжный дверной звонок, какой только можно придумать. Двор, вымощенный старым, позеленевшим от времени камнем, отзывался на каждый шаг глухим, ворчливым эхом. Ирен часто повторяла, что хороший дом должен предупреждать хозяев об опасности, — и этот дом ни разу не подвёл.

Внутри было тесно, но уютно. Большая, сложенная из грубого камня печь занимала половину кухни, и в холодные зимние вечера она дышала таким жарким, живым теплом, что оно разливалось по всем комнатам, не давая стенам промёрзнуть до самого утра. В крохотной

спальне едва помещались две узкие кровати — родительская и Айры. Между ними, на шатком деревянном столике, стояла глиняная лампа, которую зажигали каждый вечер, даже когда не надо было читать. «Темнота — плохой советчик, — говорила Ирен. — И верный друг только для тех, кто замышляет недоброе». Айра тогда не понимала, что эти слова значат. Потом начала догадываться.

В углу спальни, у изножья кровати, притаился старый, окованный ржавым железом сундук с книгами, которые вообще неизвестно откуда тут взялись. Кожаные переплёты давно потрескались от времени, страницы пожелтели и пахли пылью, а некоторые рассыпались в труху при малейшем прикосновении. Айра перечитала их все по несколько раз: бесхитростные истории о дальних, невиданных странах, о древних героях и великих битвах, о которых теперь никто не помнил. Целые абзацы были выучены наизусть. Шептать их себе перед сном уже стало маленькой традицией, представляя, что это она скачет на горячем коне с мечом в руке или стоит на крепостной стене, глядя на приближающуюся вражескую армию. В тех книгах мир был простым и ясным: добро всегда побеждало зло, герои никогда не умирали по-настоящему, а любовь исцеляла любые, даже самые страшные раны. Детское воображение ещё не понимало, что книги врут. Или, может быть, догадывалось, но боялось в это поверить. Одного она не знала точно — что скоро её собственная история станет громче любой из этих книг и позже о ней напишут несколько томов.

Самым большим богатством был чердак. Ирен туда почти не поднималась — лестница была крутой, ступени скользкими, да и зачем, говорила она, лазить туда, где только пыль да паутина? Но для Айры это было любимое место. Там пахло нагретым солнцем деревом, старой пылью и чем-то сладким, как перестоявший мёд. Половицы поскрипывали под ногами, и если наступать на них в определённой последовательности, получалась тихая, ни на что не похожая мелодия. А самое интересное — оттуда, через маленькое окошко в крыше, был виден весь город. Своего рода личный наблюдательный пункт, о котором никто не знал.

С чердака можно смотреть часами. Отсюда её взору открывалось как утром начинают работу лавки, как торговцы выкатывают бочки с соленьями и развешивают мясо, как женщины тащат корзины с бельём к реке, как дети шныряют по улицам в самодельных лаптях. Всегда было известно у кого из соседей сегодня гости, кто вернулся из поездки, а кто, наоборот, уехал и, кажется, насовсем. Она следила за жизнью города, как за театральным представлением, в котором у неё были лучшие места в зрительном зале и при этом её никто не видел.

Сегодня, как и обычно, она выскользнула из дома, пока мать возилась с завтраком. Горшочек с кашей булькал на плите, распространяя запах топлёного молока, но ждать было некогда: утренние часы свободы таяли слишком быстро. Натянув капюшон на глаза, перелезла через забор, чтобы не трогать скрипучую калитку, и двинулась вдоль стены, где тень была гуще, а встречные люди попадались реже. Шаги её были лёгкими, почти неслышными — Ирен учила её ходить так, чтобы не привлекать внимания. «Ступай как кошка, — наставляла она. — Кошку никто не боится, но все знают: если она захочет, вы её не услышите». Айра тогда смеялась, но привычку сохранила.

Путь лежал мимо колодца, где уже толпились женщины с вёдрами. До ушей долетел обрывок разговора — что-то про новую служанку пекаря. Одна из местных болтух, толстуха с багровыми от натуги щеками, мельком глянула на Айру и тут же отвернулась, потеряв к чужой девчонке всякий интерес.

У кузницы воздух дрожал от звона металла и тяжёлого, влажного жара. Кузнец работал с рассвета, и его молот стучал ровно, как сердце города. Говорили, он может сковать меч, который не треснет, даже если в него ударит молния. Ещё говорили, что родом он из южных земель и когда-то был солдатом, но бросил оружие, устав убивать. Никому не известно, правда это или нет, но каждый раз, проходя мимо, она замедляла шаг и смотрела на этого молчаливого человека в кожаном фартуке с чувством, похожим на уважение.

Дальше — лавка сапожника дяди Ганса. Старик, как обычно, вышел на крыльцо с трубкой в зубах. Вишнёвый дымок плыл в утреннем воздухе, смешиваясь с запахом кожи и сапожного вара. Он кивнул Айре — она кивнула в ответ. Хотя друг друга они не знали, но оба понимали: это свой, из Триречья. Свой — значит, не чужой. Не опасный.

Ирен говорила, что в Триречье нет чужих. Все здесь — свои, даже если приехали откуда-то совсем издалека. Город переваривает приезжих, как хороший желудок — пищу, и через год-другой от их прошлого не остаётся и следа. Они становятся такими же, как все: неторопливыми, немногословными, привыкшими к тишине. И поэтому отсюда практически никто не уезжал, тут рождались, тут проживали жизнь, тут и умирали.

Рынок открывался рано. К тому времени, как Айра добралась до центральной площади, воздух уже гудел от голосов и был густо пропитан запахами. Свежий хлеб — тяжёлые, румяные буханки с хрустящей коркой, которую невозможно жевать без риска поранить нёбо, но именно поэтому корочка была такой вкусной. Жареное мясо — его готовили прямо на улице, на вертелах, и жир с шипением капал на угли, поднимая облачка ароматного, пряного дыма. Пряности из далёких южных земель: корица, гвоздика, перец-горошек — от одного их запаха кружилась голова и щипало в носу. И, конечно, рыба. Триречье славилось рыбой, хоть река здесь всё же была только одна, а рыбы в ней водилось, казалось, на все три.

Рыбные ряды стояли отдельно, ближе к реке. Запах там был другим — тянуло тиной, водорослями и домашними соленьями, придавая воздуху йодистый оттенок. Продавцы выкрикивали названия рыб, которых Айра даже не знала: судак, лещ, язь, сом — такие огромные, что их приходилось рубить на части. Сама она рыбу не любила. Вернее, не любила запах рыбы, который въедался в одежду и не выветривался потом три дня. Но тем не менее рыбу они ели каждую неделю, потому что это было дёшево и сытно. «Ешь, — звучали материнские наставления за обедом, — рыба — это ум. Чем больше рыбы, тем умнее ты станешь». Приходилось есть и ждать, что однажды она поумнеет настолько, чтобы понять, зачем они прячутся.

Рынок бурлил. Торговцы перекрикивали друг друга, споры то и дело перерастали в настоящие перебранки, собиравшие зевак. Покупатели торговались с такой страстью, будто от цены на пучок укропа зависела их жизнь. Кто-то приходил вовсе не за покупками — стояли часами, переминаясь с ноги на ногу, и пережёвывали новости, которые уже успели обсудить десять раз. Дети носились между ног взрослых, визжали, смеялись, иногда падали и плакали, и тётушки тут же бросались успокаивать их, забывая о корзинах и кошельках.

Этот шум имел особое значение. Он заглушал то, что ей не хотелось слышать. В тишине их дома всегда было слишком много мыслей — её собственных, домашних секретов, тех, что витали в воздухе, неразгаданных, оттого сильно давящих, тяжёлых. А здесь, на рынке, гомон укутывал, как тёплое, плотное одеяло. Под ним можно было спрятаться от всего: от страха, от одиночества, от странной, беспричинной тревоги, которая порой просыпалась в груди.

Играть в обычные детские игры ей было не с кем — Ирен запрещала общаться с другими детьми, — поэтому приходилось придумывать развлечения самой. Одно из самых любимых — угадывать, что сейчас произойдёт. Вернее, как поступит тот или иной человек. Она сама не понимала, как у неё это получалось. Иногда знание приходило не как мысль, а вспышкой — быстрее, чем успевала осознать. Как вспышка света. Как удар сердца.

Вон тот мужчина с огромной лысиной повернётся ровно через три секунды. Раз... два...

Мужчина в сером, пыльном плаще, с действительно смешной, неестественно большой лысиной, резко обернулся, словно его кто-то окликнул. Айра вздрогнула.

...три.

Почему так выходит, она не знала. Не всегда — только когда дело касалось людей. Их движений, слов, решений. Иногда ей казалось, что она видит чужие намерения ещё до того,

как сам человек успевает их осознать. Сначала она думала, что это какое-то чутьё. Острое, как у зверей, которые чувствуют землетрясение за целый день до первых толчков. Но игра становилась слишком точной, слишком... пугающе безошибочной, и Айра начинала бояться, что сходит с ума.

Бывало, даже зная, что вот-вот сделает прохожий, просто отводила глаза в сторону, сжимала кулаки и шептала про себя: *«Это неправда. Мне показалось. Этого не может быть»*. Но это было. Всегда было.

Ирен не догадывалась об этой странной игре. Дочь не рассказывала — боялась, что мать испугается ещё сильнее, увидит в дочери что-то чужое, опасное, то самое, от чего они всю жизнь прятались. Она и сама не понимала, от чего именно, но интуитивно чувствовала: её странности имеют к этому прямое отношение. И если кто-то узнает — случится непоправимое.

Поэтому она молчала. Играла в свою игру. И ждала.

— Молодая госпожа!

Оклик вырвал её из размышлений. Торговка зеленью, худая, краснощёкая, отчаянно махала рукой. Все в городе знали её — самую шумную и честную продавщицу на рынке. Никогда не обвешивала и не обсчитывала, за что её уважали и покупатели, и соседи по рядам.

— Подойди, подойди! — кричала она. — Скажи, этот укроп, по-твоему, свежий?

Подойдя ближе, Айра окинула взглядом пучок зелени. Укроп был вялым, кончики перьев пожелтели — такой покупать не стоило. Но всё было известно заранее: тётка возьмёт его. Не из-за качества, а потому что вон та, другая женщина в синем платке, уже полезла за монетой, чтобы перебить цену. Эта женщина не любила проигрывать. Особенно когда дело касалось продуктов.

— Свежий, — пришлось соврать, а затем кивнула в сторону другого пучка, лежавшего в тени под мокрой тряпицей. — Но тот, что справа, лучше.

Торговка удивлённо приподняла брови, взяла второй пучок, понюхала, покрутила в руках.

— И правда... — протянула дама. — А откуда ты знаешь, девочка? Нюх у тебя собачий, что ли?

Эти слова уже прозвучали впустую, так как Айра уже отворачивалась — не любила лишнего внимания. Ирен всегда твердила: *«Не высовывайся. Не привлекай взглядов. Не запоминаться»*. Она старалась. Но иногда что-то внутри толкало её показать себя, помочь, сказать правду. И каждый раз после этого становилось стыдно.

Хотя далеко от прилавка отойти не получилось. Что-то заставило её замереть на месте. Взгляд. Чужой взгляд.

Не тот, каким скользят по лицам случайных прохожих, — рассеянный, равнодушный. Такой не замечаешь. Этот был другим. Тяжёлым, липким, он давил на спину, на затылок, и кожа покрывалась мурашками, словно от прикосновения мокрой, ледяной тряпки.

Медленно, заставляя себя не дёргаться, Айра повернула голову.

На другой стороне улицы, в глубокой тени старого дуба, стоял мужчина. Тёмный плащ, надвинутый на лицо капюшон. Лица не разглядеть — только острый подбородок с короткой щетиной да губы, еле шевелящиеся, словно что-то бормочущие себе под нос.

Он не двигался. Стоял как вкопанный — статуя, тень, часть дуба. Но Айра знала: он смотрит на неё. И от того, как смотрит, у неё перехватывало дыхание.

Уходи, — приказала она себе. — Не беги. Сделай как учила мать: если чувствуешь опасность — не беги. Бегство только привлекает взгляд. Надо раствориться, исчезнуть, стать незаметной.

Шаг, другой. Смотрела прямо перед собой, но боковым зрением продолжала улавливать неподвижный тёмный силуэт. Лавируя между людьми, нырнула в просвет между торговыми рядами, прижалась на мгновение к грязному боку какой-то телеги, пропуская вперёд женщину

с корзиной, и двинулась дальше. В узком переулке воздух был спёртым, тяжёлым — пахло кислой капустой, мокрой шерстью и гниющими отбросами. С натянутых над головой веревок свисало бельё, и мокрая простыня мазнула по лицу, когда она пригнулась. Свернула налево, потом направо и протиснулась в узкую щель между домами, такую тесную, что взрослый человек не пролез бы ни за что. Замерла там, вжавшись в шершавый, холодный камень.

Сердце молотило так, что, казалось, его слышит весь квартал.

Выбравшись с другой стороны рынка, на четвереньках заползла под первую попавшуюся лавку. В лицо пахло гнилью — под досками хлюпала какая-то жижа, воняло протухшими овощами. Зажав рот ладонью, чтобы не закашляться, она проползла под тремя прилавками. Торговцы, занятые яростным спором, ничего не заметили.

Вынырнула уже на соседней улице, ведущей к городской стене. И только там, прижавшись спиной к холодному, замшелому камню, позволила себе выдохнуть и осторожно выглянуть из-за угла.

Тень под старым дубом была пуста. Только листья лениво шевелил ветер, да где-то вдалеке надрывался одинокий петух.

— Показалось, — прошептала она себе под нос. — Ты слишком много читаешь. Сама себе напридумывала.

Но до самого вечера её не покидало ощущение, что за ней следят. Оно засело внутри ледяным комком — не проглотить, не выплюнуть. Приходилось постоянно оглядываться и невольно вздрагивать от каждого громкого звука, шархаться от прохожих.

* * *

Вечером Ирен, как всегда, сидела у окна.

Ритуал, который никогда не нарушался. Каждый вечер, ровно после ужина, она садилась на деревянную скамью у маленького окна, выходящего в тупик, и застывала. Смотрела, как сгущаются сумерки. Как зажигаются огни в соседних домах — сначала у пекаря, потом у столяра, потом у старой вдовы через два дома. Как последние прохожие ускоряют шаг, торопясь по домам, потому что в темноте по улицам лучше не ходить. Как тени становятся длиннее и гуще.

Со стороны могло показаться, что она просто любит это окно, наслаждается тишиной и покоем. Хотя обеим было понятно: это не отдых, это ожидание.

Кого-то. Или, наоборот, страх, что этот кто-то придёт. Айра не знала точно — Ирен никогда не говорила. Трудно было не заметить, как напряжены плечи, как пальцы стискивают подоконник до побелевших костяшек, как взгляд скользит по улице, цепляясь за каждую тень, за каждое движение.

Она ждёт, — пыталась разгадать тайну Айра. — Всегда ждёт. А я даже не знаю чего.

С деланным интересом уткнувшись в старую книгу о травах, она сидела на кровати. Перечитывала уже раз десять, знала каждую страницу наизусть: корень валерианы — от бессонницы, отвар ромашки — от боли в животе, настойка полыни — от глистов. Скучная книга, написанная скучным человеком для скучных людей. Но сегодня буквы плыли перед глазами, строки сливались в серую дрожащую муть.

Взгляд её то и дело возвращался к Ирен. К тому, как та вздрагивает от каждого скрипа за окном. Как замирает, когда ветер хлопает ставнями у соседей.

— Мам.

— Ммм? — та даже не обернулась. Голос прозвучал рассеянно, словно она находилась сейчас где-то очень далеко.

— Сегодня на рынке... — Айра запнулась. Говорить не хотелось, но чувствовала: надо. — Мне показалось... кто-то смотрел на меня. Может, даже следил.

Пальцы, Ирен лежавшие на подоконнике, сжались сильнее, впиваясь в дерево. На шее дрогнула тонкая жилка, и стало понятно: она изо всех сил пытается удержать страх внутри, чтобы не напугать дочь. Но скрывать это было бесполезно, уж слишком хорошо дочь её знала.

— Что за человек? — Голос прозвучал слишком ровно, отчего показалось не совсем искренне спокойным.

— Не знаю. Высокий. В тёмном плаще, капюшон на лицо. Лица я не разглядела.

— Он что-то сказал тебе?

— Нет. Просто стоял и смотрел. А потом исчез.

Медленно закрыв глаза, Ирен застыла. По лицу её пробежала тень — знакомая, страшная. Та самая тень, которую Айра отчётливо замечала много раз. Страх. Старый, глубокий, как омут, страх, который жил в ней всегда, даже когда вокруг было спокойно. Когда в доме горел огонь, когда ужин стоял на столе, когда дочь лежала в своей кровати и притворялась спящей.

Этот страх не имел ни начала, ни конца. Он тёк подземной рекой в непроглядной темноте — невидимый, но оттого не менее опасный. Айра привыкла к нему, как привыкают к запаху родного дома, который уже не замечаешь. Но сегодня, глядя на маму, вдруг поняла: страх никуда не уходит. Он просто ждёт своего часа.

— Завтра никуда не выходи, — произнесла Ирен, и в голосе её звякнул металл.

— Мам...

— Никуда! — Почти крик. Она никогда не повышала голоса. Никогда. Сейчас это прозвучало так, будто земля ушла из-под ног. — Не спорь!

Хотелось возразить. Внутри вспыхнуло и закипело упрямство, детское чувство несправедливости. Но, взглянув на неё, Айра осеклась — слова застряли в горле.

Мама выглядела такой... старой. Не лицом — лицо всё ещё оставалось молодым, хотя Айра понимала: когда возраст переваливает за сорок, морщинки — дело неизбежное. Тонкие линии в уголках глаз, седина на висках, которую Ирен подкрашивала отваром каких-то трав. Нет, старой она была не снаружи. Старой внутри. Сломленной чем-то, что случилось когда-то очень давно и не отпускало её ни на секунду. Ни днём, ни ночью.

— Хорошо, — тихо, почти шёпотом, согласилась Айра. — Не выйду.

Ирен кивнула. Не улыбнулась. Не сказала «спасибо». Только отвернулась обратно к окну, в черноту за стеклом, и едва слышно выдохнула:

— Они нашли нас.

Смысл этих слов ускользнул. Или не хотел поддаваться пониманию.

Попытки вернуться к книге сразу же провалились, буквы расплывались перед глазами. В голове крутилось одно и то же: кто был этот человек? Почему Ирен так испугалась? И почему ей кажется, что сегодня ночью она ни за что не сомкнёт глаз?

За окном, в крошечной тьме, перекликались ночные птицы. Их голоса звучали то ли песней, то ли зловещим предупреждением — резкие, пронзительные, они разрезали тишину, как лезвия. Ирен всё сидела у окна и молча смотрела в темноту.

— Завтра никуда не выходи, — снова прошептала она, будто обращаясь не к дочери, а к самой себе.

Закрыв книгу, Айра легла на спину. С потолка на неё глядели тени от масляной лампы — они плясали древний, бессмысленный танец, и в их движениях чудилось что-то тревожное, зловещее.

И чувство было только одно: что-то началось. Что-то неотвратимое, что нельзя остановить. Что-то, что шло к ним долгие годы — и наконец пришло.

Зажмурившись, она попыталась отогнать мысли о том, что принесёт рассвет. Но где-то глубоко внутри уже знала: вчерашний день разделил её жизнь на «до» и «после», и прежний мир уже не вернуть.

Глава 2

Старейшина

Обычный ребёнок, который не желает слушать родителей, — именно такой и была Айра. На следующее утро она, конечно же, нарушила обещание.

Только на этот раз путь её лежал не на рынок — туда, честно говоря, после вчерашнего идти совершенно не хотелось. Но и сидеть взаперти, когда за окном разливалось такое яркое, весёлое солнце, а в распахнутую форточку вливался свежий, с запахом цветущей липы ветер, было выше её сил. В доме стояла духота, а стены безжалостно давили. Потихоньку, на цыпочках, она выскользнула через заднюю дверь, пробежала, пригибаясь, через запущенный огород и вынырнула на улочку, ведущую к центру.

Стоя у кухонного окна, Ирен в очередной раз молча наблюдала, как дочь якобы незаметно удирает из дома — короткими перебежками, прячась за яблоней, за поленницей, за покосившимся забором. При этом каждый раз свято верила, что полностью скрылась от материнского взгляда. Ирен лишь качала головой, подперев щёку ладонью, и думала о том, что запрещать дочери что-либо — занятие совершенно безнадёжное.

Ничего не случится, — уговаривала себя Айра, переходя на быстрый шаг и поправляя капюшон. — *Мама просто всего боится. Всегда боялась каждой тени. Ничего не случится...*

Утро выдалось ясным, прозрачным, какое бывает только в начале лета, когда земля ещё хранит ночную прохладу, а солнце уже припекает макушки. Небо над Триречьем раскинулось высокое, бледно-голубое, с редкими, ленивыми облаками, похожими на клочки овечьей шерсти. Воздух пахнул свежестью и ещё чем-то сладким — наверное, и правда зацвели липы на окраине, у старой мельницы. Шагая по главной улице, она старалась держаться теневой стороны, где старые каменные дома нависали над прохожими, создавая прохладный, влажный полумрак, в котором так легко затеряться.

Внезапно мимо неё стремительным шагом пронеслись четверо мужчин. Айра едва успела отшатнуться к стене, чтобы не столкнуться с ними, вжавшись в холодный, шершавый камень. Грубая кожаная одежда, выдававшая виды, короткие мечи на поясах в простых, без украшений, ножнах. Лица — суровые, обветренные, взгляды — насторожённые, устремлённые куда-то вперёд. Они не замечали никого вокруг, шагали целеустремлённо, как люди, у которых есть чёткая, не терпящая промедления инструкция. Проводив их взглядом, Айра заметила, что движутся они к центру, туда, где высились самые красивые и старые здания города. Странное, необъяснимое, щекочущее изнутри любопытство дёрнуло её, словно за ниточку, и, ускорив шаг, заставило пойти за ними.

Слежка привела на улицу, где дома значительно отличались от тех, что лепились друг к другу на окраинах. Когда-то здесь жили богатые купцы, но теперь их потомки разъехались кто куда, и особняки сдавались под лавки, мастерские, пыльные склады. И только одно здание сохранило былое, гордое величие — дом старейшины Хардина.

Едва он показался впереди, Айра сбавила шаг до предела.

Дом Хардина был самым старым в Триречье. Построенный ещё до того, как город получил имя, — из тёмного, почти чёрного камня, который не брало время. Стены, помнившие дожди трёх столетий, стояли так же прочно, как в первый день. Резные ставни на каждом окне хранили уникальный узор, изображавший сцены из древних легенд; говорили, будто эти узоры вырезал сам мастер, строивший храмы для королей, и будто в них зашифровано древнее знание, доступное лишь посвящённым.

Обычные прохожие часто останавливались у дома Хардина. Кто-то подолгу разглядывал хитросплетения резьбы, силясь разгадать их тайный смысл. Кто-то просто хотел прикоснуться к старому камню — считалось, что он приносит удачу. Ребятишки тыкали пальцами в каменных драконов и крылатых львов, выкрикивая названия зверей, которых отродясь не видели. Старухи крестились на узоры, нашёптывая молитвы, доставшиеся от прабабушек.

Но сегодня у дома стояли не обычные прохожие.

Заметив их издалека, Айра сразу узнала тех самых четверых, что обогнали её на улице. Они не разглядывали резьбу и не крестились. Стояли неподвижно, будто ждали чего-то, и сверлили глазами дверь. Лица всё те же — без эмоций, взгляды всё такие же — насторожённые, цепкие. Один держал ладонь на рукояти меча, словно ожидал нападения в любой миг.

Замедлившись, она почти перестала дышать. Кончики пальцев предательски онемели, а внутри что-то сжалось в тугую, холодный узелок.

Хардина она знала хорошо. Старый, добрый, который иногда останавливал её на улице, чтобы расспросить, как там мама, и украдкой сунуть в ладонь горсть сладостей — карамелек или засахаренных орешков. «Передай своей маме, — неизменно приговаривал он, — пусть не прячется так сильно». Айра никогда не понимала, что старейшина имеет в виду, но сладости брала. Ирен, узнав, сердилась — но сладости тоже брала. У Айры даже сложилось впечатление, что любого человека в этом мире можно купить за конфетки. Даже самых суровых.

Подобравшись ближе, она спряталась в густой, колеблющейся тени дуба. Один из охранников заметил её краем глаза, нахмурился. Тот самый, что мельком глянул на неё, когда они обгоняли её на улице. В его глазах мелькнуло что он её узнаёт, чувство, смешанное с подозрением и угрозой.

— Тебе чего, девка? — грубо бросил он, делая шаг в её сторону. — Я тебя уже второй раз за сегодня вижу. Следишь за нами, что ли?

— Я... я просто проходила, — пробормотала она, чувствуя, как внутри всё холодеет.

— Проходи дальше. Здесь тебе не на что глазеть.

Послушно кивнув, Айра сделала вид, что уходит. Всё внутри дрожало от страха, а спина между лопаток взмокла. Но вместо того чтобы вернуться на главную улицу, она юркнула в переулок, ведущий к заднему двору старейшины. Эту дорогу она знала на память: в детстве они с местными мальчишками лазили здесь, играя в разбойников. Мать, конечно, не подозревала об этих играх. Узнала бы — заперла бы дома на неделю, а то и на две. А Хардин, бывало, выходил на шум, грозил своей знаменитой клюкой и кричал: «Опять мои розы потопчете, сорванцы!» Но родителям никогда не жаловался. Просто ворчал, уходил обратно, а потом, когда они затихали, выносил им яблоки из своего сада — краснобокие, хрустящие, истекающие соком.

Задняя калитка, к её удивлению, была приоткрыта. Оглянувшись по сторонам, Айра бесшумно скользнула внутрь.

Сад был запущен до неузнаваемости. Розы, которыми Хардин так гордился — знаменитые на весь квартал алые розы, — поникли, осыпались бурными лепестками на землю. Кто-то прошёлся по клумбам тяжёлыми, подкованными сапогами, оставив после себя глубокие, уродливые следы. Осторожно обойдя их, стараясь не наступать на чудом уцелевшие цветы, она поднялась на скрипучую веранду.

В своём любимом плетёном кресле сидел Хардин.

Выглядел он постаревшим на десяток лет — гораздо старше, чем вчера. Кожа на лице обвисла серыми, нездоровыми складками, а руки, лежавшие на подлокотниках, заметно дрожали, выдавая крайнюю слабость. Но глаза — когда он поднял взгляд на вошедшую Айру — остались прежними: живыми, хитрыми, всё понимающими. Глазами человека, который знает куда больше, чем говорит.

— Айра, — произнёс он, и голос его прозвучал глухо, будто шёл откуда-то из глубины, из самой середины груди. — Я знал, что ты придёшь.

— За вами следят, — выпалила она, задыхаясь. — Там, у входа, какие-то люди...

— Знаю. — Хардин мягко перебил её и указал дрожащим пальцем на стул напротив. — Садись. Долго нам говорить не дадут.

Опустившись на жёсткое сиденье, Айра вцепилась пальцами в край стула.

— Кто они?

— Хранители.

Слово упало между ними, как камень в глубокий колодец. Тяжёлое, холодное, с шумом.

Ей доводилось слышать его и раньше. Преимущественно шёпотом — на рынке, когда люди, озираясь, обсуждали войну на юге. Или в тавернах, когда мужчины спорили о том, кто на самом деле правит миром. Она хорошо помнила, как однажды, года три назад, какой-то пьяный торговец кричал на всю площадь, размахивая пустой кружкой: «Хранители придут, порядок наведут! Хватит Игрокам править!» Его быстро утихомирили, затолкали в подворотню, но слова застряли в памяти. «Игроки», «Хранители» — слова, которые взрослые произносили шёпотом, опасливо косясь через плечо.

Она никогда не понимала, что они значат. Да и не пыталась понять до сегодняшнего дня.

Отец одного из её тайных приятелей по детским играм, мальчишка по имени Кор, как-то с важным, заговорщицким видом объяснял ей, что Хранители — это те, кто знает правду. Правду о невидимых хозяевах мира, которые живут вечно, а людей считают всего лишь фигурками на шахматной доске. Пешками. И Хранители хотят освободить людей, сбросить власть этих кукловодов. Вот только Кор был на два года младше и верил во всякую ерунду. Поэтому Айра никогда не принимала этот детский лепет всерьёз.

— Хранители, — повторила она, пробуя слово на вкус. — Вы хотите сказать, что они...

— Что они ищут тех, кто служит Игрокам, — закончил Хардин. — Да. И считают, что я — один из таких слуг.

— А вы? — спросила Айра, хотя ответ уже смутно угадывался.

Посмотрев на неё долгим взглядом, Хардин ответил — в его выцветших, слезящихся глазах мелькнуло что-то, похожее на застарелую, глубокую печаль. Не страх перед смертью — сожаление о чём-то не сделанном.

— Я просто старый человек, — медленно произнёс он, — который слишком много знал и слишком мало говорил.

Потянувшись к столику, он взял конверт. Пожелтевшая от времени плотная бумага, потрескавшаяся восковая печать с изображением раскрытой ладони — символ, которого Айра никогда прежде не видела.

— Это тебе.

Она не шелохнулась.

— Что это? — выдохнула Айра.

— Письма. От человека, который знал твою мать ещё до того, как ты появилась на свет.

— От кого?

— Его зовут Кейн. Он был... — Хардин осёкся, подбирая нужное слово, и вздохнул. — Он был другом... и врагом... всё разом. Не знаю, как тебе объяснить. Но тебе пора знать правду, Айра. Он ищет тебя. Ну... искал, во всяком случае. Я, к сожалению, не знаю, жив ли он сейчас. Хотя должен быть жив. Ведь он...

Старейшина не договорил — махнул рукой и с усилием протянул конверт.

— Я не знаю, как тебе всё это рассказать, да и не я должен рассказывать. Скажу только одно: Ирен, твоя мама — не та, кем кажется. И ты сама — не та, кем кажешься. Этого сейчас будет достаточно, чтобы ты начала задумываться. Береги её, Айра. Береги себя. Вам обоим нужно беречь друг друга.

Он хотел добавить что-то ещё, но с улицы, перекрывая все звуки, донёсся грубый, командный крик. Всем телом вздрогнув, Хардин замер.

— Уходи, — велел он жёстко, отрезая любые возражения. — Сейчас же!

— Но...

— Уходи!

Схватив конверт, Айра метнулась к калитке. Вылетела в переулок, не чуя под собой ног, добежала до угла и остановилась, судорожно хватая ртом воздух. Оглянулась.

У дома Хардина стояла мёртвая, неестественная тишина. Слишком глубокая, слишком внезапная, чтобы быть безопасной.

Торопливо сунув письма под рубаху, она со всех ног бросилась домой.

* * *

На следующее утро город облетела весть: старейшина Хардин мёртв!

Узнала Айра об этом от соседки, тётки Милы, которая примчалась к ним ни свет ни заря — простоволосая, растрёпанная, с красными, опухшими от слёз глазами. Вместе с ней в дом ворвался запах валерьянки — похоже, этим она пыталась успокоить себя.

— Убили! — заголосила тётка Мила прямо с порога, судорожно хватая Ирен за руки. — Убили нашего Хардина! Нашли утром в его собственном доме. Сказывают, это те сделали... какие-то неизвестные, что приходили вчера. За что вообще можно убить беззащитного старика? За что... — тётка Мила запнулась, покосилась на Айру и перешла на громкий, лихорадочный шёпот: — За то, что знал правду, которую никому нельзя было знать.

У порога, белая как полотно, стояла Ирен. Губы сжаты в тонкую, белёсую нитку. Она не плакала. Не ахала, не заламывала рук. Только спросила севшим, глухим голосом:

— Кто его нашёл?

— Ученик его, мальчик, что за травмами к нему ходил. Говорит, всё в доме перевернуто вверх дном, всё разгромлено, а сам Хардин... — тётка Мила звучно всхлипнула, утирая нос краем вышитого платка. — Лежит, говорит, лицо спокойное, будто спит. Только сердце не бьётся.

Сидя на своей кровати и подобрав под себя ноги, Айра стискивала в пальцах конверт, который так и не решилась открыть. До неё доносились обрывки разговора — Ирен что-то говорила тётке Миле, тихо, успокаивающе, — а потом тяжёлые шаги соседки стихли за порогом. Закрыв дверь, Ирен долго-долго стояла, привалившись к ней лбом. А потом с кухни донёсся тихий, сдавленный плач; она надеялась, что дочь не слышит.

Вчерашний день всплывал в памяти яркими, болезненными картинками: Хардин — его усталые, добрые, всё понимающие глаза, его неожиданные слова о том, что она — не та, кем себя считает. Четверо мужчин у его дома — их каменные, безжалостные лица, пальцы на рукоятках мечей. Теперь она знала, кто они такие. Хранители. Они пришли за старейшиной из-за его связи с Игроками, из-за того, что он слишком много знал. И теперь его больше нет.

Айра не понимала, почему мама льёт слёзы. Хардин был просто старым соседом, который иногда совал в ладошку сладости. Неужто она так расстроилась из-за конфет? Должно быть, тут кроется что-то другое, что-то гораздо более глубокое, чего ей пока было трудно осознать.

Взгляд опустил на этот злосчастный конверт. Имя отправителя — Кейн. Ни о чём не говорящее, совершенно чужое имя.

Но в груди разрасталось холодное, мутное, как болотный туман, чувство: всё, что она знала о собственной жизни, — неправда. Чья-то тщательно сплетённая, многолетняя ложь.

Глава 3

Следы

Сидеть и ждать — точно не для Айры. Она твёрдо понимала: надо что-то делать, надо искать правду. Конечно, у неё есть конверт, который передал Хардин, но след ведёт от его дома. Что именно хотел сказать ей старейшина? Почему смотрел с такой печалью?

Конверт был вскрыт тем же вечером, дождавшись, пока дыхание матери станет ровным и глубоким. Убедившись, что Ирен спит, Айра зажгла огарок свечи, забралась с ногами на кровать и осторожно, стараясь не шуршать, вытащила письма.

Их было три. Все от одного человека — Кейна. Написаны аккуратным, твёрдым почерком, но бумага местами расплылась мутными разводами, будто письма долго лежали под дождём или в сырости. От листов пахло пылью вперемешку с горьковатым оттенком — старыми чернилами, временем.

Первое письмо, самое старое, она читала, затаив дыхание.

«Хардин,

Я нашёл её. Она в Триречье, живёт с дочерью. Девочке пять лет. Она уже проявляет странные способности — видит то, что не должны видеть дети. Я наблюдаю издали, не подхожу. Она не знает, что я здесь. И не должна знать. Если узнает, что Хранители нашли её, им придётся снова бежать. А бежать больше некуда».

Строки пришлось перечитать дважды. Человек по имени Кейн писал о них с матерью. Писал о ней самой. Он следил за ними долгие годы, оставаясь в тени, а она даже не подозревала.

Второе письмо, датированное годом позже, заставило пальцы дрогнуть.

«Девочка растёт. Её способности усиливаются. Мне становится всё сложнее наблюдать за ней, так как, когда я наблюдаю, она чувствует взгляды, даже если не видит. К тому же, она угадывает движения людей за секунду до того, как они их совершат. Это не может быть случайностью. Если она уже так сильна в детстве, то что будет, когда повзрослеет? Ирен держит её взаперти, но это не поможет».

Её странная игра на рынке. Этот человек знал о ней. Знал то, что Айра считала своим секретом, своей тайной, которую не доверяла даже собственной маме.

Третье письмо, написанное всего несколько месяцев назад, дышало тревогой:

«Хардин,

Они близко. Я не могу приблизиться — за мной следят. Скажи ей, чтобы готовилась. Девочке скоро исполнится двенадцать. В этом возрасте сила проявляется в полную меру. Игроки почувствуют её, даже если она будет сидеть взаперти. Я попробую прорваться, когда придёт время. Если не смогу — забирай её сам. Не дай им схватить девочку. Она — наш единственный шанс».

И снова несколько раз, два или три перечитала их. В голове шумело, мысли метались, как испуганные птицы. Она — их единственный шанс? Шанс на что? И почему Хардин ничего не сказал матери?

Один из конвертов был подписан другим почерком — неровным, словно писавший торопился или страдал одышкой. На желтоватой бумаге значилось одно-единственное слово: «камин». При чём тут камин? Странная деталь засела в памяти занозой.

Сунув письма обратно в конверт, она спрятала их под матрас, придавив для верности старой книгой. В ту ночь спать совсем не хотелось. Айра ворочалась, накрывалась одеялом с головой, но мысли лезли, как тараканы из щелей. Письма жгли кровать снизу, а в груди кололо от невысказанного вопроса: почему ей ничего не рассказали?

Этой ночью почти не спал и сам город.

Странное, щемящее спокойствие опустилось на Триречье. Люди не зажигали свет в домах — только свечи. Тысячи свечей. Они мерцали на подоконниках крохотными робкими огоньками, будто звёзды спустились с небес, чтобы попрощаться со своим Старейшиной. Улицы, обычно погружённые в ночную тьму, сейчас светились мягким, дрожащим сиянием — целый город превратился в один огромный поминальный алтарь.

Из открытых окон тянулись молитвенные песни. Не громкие, не торжественные — усталые, надтреснутые, как голос человека, провожающего друга в последний путь. Пели вполголоса, но эхо подхватывало звуки и разносило по переулкам, и казалось, что сам воздух скорбит.

Мужчины стояли на порогах, заложив руки за спину, и смотрели в сторону дома Хардина. Никто не решался подойти ближе — дом был заколочен и в целом запрещён для посещения. Но каждый мысленно был там, у дверей, где ещё вчера их встречал добрый старик. Каждый прощался.

Прижавшись лбом к холодному стеклу, Айра стояла у окна. Улица, которую она знала как шумную днём и глухо-тёмную ночью, сейчас пылала огоньками. Свечи горели ровно, почти не мигая, будто город затаил дыхание и боялся выдохнуть.

Их так много, — подумала она. — Его любили.

И от этого стало ещё тяжелее. Хорошего человека больше нет, и зло, которое его убило, даже не ищут. Или ищут — но не там. А те, кто должен был бы скорбеть громче всех, молчат, затаившись в темноте своих домов.

Где-то далеко, спросонья перепутав время, запел петух. Никто не рассмеялся. Никто не шикнул на него. В эту ночь город прощался, а не жил.

Прикрыв глаза, Айра представила Хардина — его добрые глаза, его дрожащие руки, его сладости.

— Прощай, — прошептала она в темноту.

Свеча на соседском окне моргнула, будто услышала.

* * *

Через два дня ноги сами привели её к дому Хардина.

Место выглядело пугающе: между столбами натянуты грубые верёвки, на дощечке корявыми буквами выведено:

«Проход запрещён»

Но она уже знала, как пробраться незамеченной. Детские игры не прошли даром. Скользнула через соседский сад, пригибаясь под низкими ветвями старых яблонь, перемахнула через покосившийся забор и оказалась на заднем дворе.

Дом встретил её гулкой, непривычной тишиной. Веранда молчала, кресло-качалка застыло без движения. Хардин не вышел навстречу, не погрозил клюкой, не предложил яблок. Дверь на веранду была распахнута настежь, и внутри гулял сквозняк, шевеля осколки разбитого стекла, хрустевшие под ногами. От вчерашнего уюта не осталось и следа. На мгновение

Айра замерла на пороге — так резко окружение может перемениться: с согревающего сердце на давящее чувство жалости и страха. Она вошла, стараясь ступать бесшумно, но рассохшиеся доски упорно пытались выдать её жалобным скрипом.

Внутри всё было перевёрнуто. Столы опрокинуты, бумаги разбросаны по полу грязными ворохами, а на досках темнели пятна — не от пролитой похлёбки. Отведя взгляд, она всё равно ощущала, как к горлу подступает тошнота. «Не сейчас», — шёпотом приказала себе, заставляя ноги двигаться дальше.

На стене, над камином, грубыми, размашистыми буквами кто-то нацарапал:

«ЗА ГЯЗНУЮ СВЯЗЬ»

Краска ещё поблёскивала в тусклом свете, сочившемся сквозь разбитое окно. Айра поёжилась. Она вспомнила слова Хардина об Игроках, о тех, кто правит миром из тени. Это послание адресовалось не ему. Оно было предупреждением — всем, кто увидит. Всем, кто посмеет связаться с Игроками. Хранители не просто убили старика — они выжгли клеймо на его доме, на самой памяти о нём. Внутри у Айры закипал гнев пополам с леденящим страхом. Они убили его только за то, что он *знал*. Знал о них, знал о мире, скрытом от глаз обычных людей.

Она пришла сюда, потому что письма Кейна разбередили душу, но ещё не понимала, что именно надеется отыскать. Старый дом, превращённый в разгромленную могилу, не давал подсказок — лишь нависал над ней всей тяжестью внезапной утраты. Может, здесь осталось что-то ещё: не просто бумаги, а ответ, который объяснил бы, почему её мама плачет ночами, а у неё самой всё холодеет внутри при виде людей в тёмных плащах.

Пройдя в кабинет, Айра огляделась. Здесь царил особенно жестокий беспорядок. Кто-то рыскал целенаправленно, выдирая ящики, перерывая бумаги — искал что-то конкретное. И, судя по разгрому, не нашёл. Присев на корточки, она принялась разглядывать рассыпанные по полу листы — счета, прошения, старые карты с выцветшими чернилами. Ничего интересного.

Если бы я что-то прятала, где бы я это спрятала?

Повинуясь этому вопросу, Айра заставила себя замереть и принялась изучать каждый уголок кабинета с тем же холодным упрямством, с каким раньше выслеживала на рынке незнакомцев. Она не просто скользила взглядом, а тщательно ощупывала им каждую деталь: провела ладонью по рассохшимся стыкам шкафа, присела, чтобы заглянуть под покоробившийся плинтус, мысленно прикинула, где доски пола расходятся чуть шире обычного. Стол, шкафы — ничего. Взгляд упал на тёмный зев очага. Камин! Слово на конверте вспыхнуло в памяти.

Айра подошла к очагу, опустила на колени. Внутри было темно и холодно — только пепел да обгоревшие поленья. Она сунула руку прямо в золу, стараясь не вдыхать взметнувшуюся пыль. Пальцы наткнулись на что-то твёрдое — кирпич. Один-единственный кирпич в задней стенке был слегка выдвинут вперёд. Инстинктивно нажала — и внутри что-то сухо щёлкнуло. Дно камина приподнялось, открывая узкую, тёмную нишу.

В тайнике лежала папка. Старая, потёртая, с бурыми пятнами на обложке. Пятна походили на кровь — или это уже просто разыгралась фантазия.

На этот раз откладывать изучение тайных посланий никак было нельзя. Внутри папки находились письма. Много писем, сложенных неровной стопкой. Разворачивая первое попавшееся под руку письмо, пальцы сами собой начали дрожать — это добавляло дискомфорта.

«...она растёт. Быстрее, чем мы ожидали. Я наблюдал за ней вчера на рынке — она чувствует взгляды, даже когда не видит. Это не может быть случайностью. Если она уже так сильна в детстве, то что будет, когда повзрослеет?»

Подпись: «*Кейн*». Снова то же имя, что и в тех, первых письмах.
Сердце забилось чаще. Следующий лист.

«...мы должны забрать её до того, как её почувствуют Игроки. Ирен думает, что может защитить её, пряча в глуши, но она ошибается. Чем старше становится девочка, тем ярче её свет. Скоро его увидят все. Если мы не успеем, они заберут её. Или убьют».

— Ирен, — прошептала Айра одними губами. — Мама?

Земля ушла из-под ног. Опустившись прямо на засыпанный бумагами пол, она продолжила читать.

Письма были написаны разными людьми. Кейн. Хардин. Кто-то, подписавшийся одной буквой — «Т». Все они обсуждали её. Способности, как они живут, Игроков — тех, кто правит миром из тени, — и Хранителей, которые с ними борются. Половины слов были непонятны, слишком взрослые, слишком чужие. Но суть проступала ясно, как проступает сквозь мутную воду рисунок на дне: она не просто девочка из маленького городка. Она — чья-то цель.

«Она растёт. Скоро они её почувствуют. Нужно забрать её».

Кто должен её забрать? Кейн? Хранители? Или те, кого называют Игроками? И — куда?

Лихорадочно перебирая страницы, она наткнулась на самое последнее письмо, датированное всего несколькими неделями раньше.

«Ирен,

если ты читаешь это — беги. Они знают, где ты. Не жди меня, я не успею. Спасай девочку. Она — наш единственный шанс».

Сжав листок в кулаке так, что бумага затрещала, Айра замерла.

Надо возвращаться домой. Надо рассказать матери. Надо...

Тяжёлые шаги раздались совсем близко.

Кто-то вошёл в дом. Грубые, гулкие шаги — не один человек, несколько. Айра замерла, забыв, как дышать.

— Общайте всё, — раздался голос, жёсткий и властный. — Девка не могла уйти далеко.

Она сидела в кабинете, а входная дверь была прямо по коридору. Если они заглянут сюда...

Метнувшись к окну, Айра рванула створку. Та нехотя подалась, впуская в комнату холодный воздух, который ощутился каждой мурашкой на теле. Но вместо того чтобы выпрыгнуть, повинаясь отчаянному, животному инстинкту, нырнула под грудой обломков перевернутого стола у стены. Забилась в самый угол, вжалась в пыльный пол, коленом угодив во что-то острое, но даже не поморщилась. *Они увидят открытое окно и решат, что я сбежала. Бросятся в сад. Не станут обыскивать комнату...*

— В кабинете кто-то был, — проговорил голос уже из коридора. — Я вижу следы.

Дверь распахнулась. Двое мужчин в тёмных плащах вошли внутрь. Из-под укрытия было видно только их ноги, обутые в тяжёлые сапоги, с налипшей на подошвы грязью. Они прошлись по комнате, пиная разбросанные бумаги, переворачивая уцелевшие стулья.

— Окно открыто, — бросил один. — Ушла через сад.

— Проверь снаружи, — приказал второй. — Я осмотрю здесь.

Одни шаги удалились, а тот, что приказал, остался. Слыша его дыхание — тяжёлое, размеренное — и чувствуя, как дрожит пол под каждым шагом, Айра замерла. Пыль набилась в нос, в горло, щекотала изнутри, и лёгкие горели огнём. Она изо всех сил сдерживалась, до слёз на глазах, но не выдержала — тихий, приглушённый кашель всё-таки вырвался наружу.

Тишина, шаги замерли.

— Здесь кто-то есть, — медленно произнёс мужчина, и в голосе его проступила хищная усмешка.

Он шагнул к обломкам стола. Сапоги остановились прямо перед лицом Айры. Это заставило её перестать дышать. Наклонившись, он явил ей своё лицо — грубое, с резкими складками у рта и цепкими, холодными глазами, смотревшими в упор.

— Ах ты, маленькая дрянь, — прошипел он, протягивая руку.

В тот же миг, как испуганная кошка, Айра рванулась из укрытия. Проскочила у него между ног, больно ударившись плечом о ножку стола, и, не оглядываясь, метнулась к окну. Мужчина взревел от неожиданности, попытался ухватить её за плащ, но пальцы сомкнулись на пустоте. Рыбкой вылетев в сад, она рухнула на землю, ободрав ладони, но тут же вскочила и побежала. Не оглядываясь, не раздумывая. Только вперёд, к спасительному забору.

Сердце колотилось где-то в горле. За спиной гремели крики, топот. Перемахнула через ограду, не почувствовав боли от впившихся в ладони щепок, и нырнула в узкий проход между домами — тот самый, где они играли в детстве.

Ноги сами несли Айру, пока не кончилось дыхание. На самом деле оно кончилось давно, но только теперь, упав на колени в каком-то безлюдном переулке, она осознала, что двигалась на последних остатках сил. Согнувшись пополам, судорожно хватала ртом воздух и только через минуту рискнула поднять голову и оглядеться.

Никого.

Она одна.

Отдышавшись — на это потребовалось куда больше времени, чем хотелось бы, — Айра выпрямилась и медленно, стараясь не привлекать внимания, побрела домой. Письма жгли грудь через тонкую ткань рубахи.

* * *

Дома матери не было.

Айра проверила все комнаты — пусто. Стол не накрыт, дрова у печки не сложены. Мама ушла утром и не вернулась.

Сначала убедила себя, что мать просто задержалась. Потом — что ушла на рынок и вот-вот вернётся. Но солнце медленно клонилось к закату, окрашивая стены в тревожный багрянец, а в груди разрастался холодный, тяжёлый ком.

Выйдя на крыльцо и кутаясь в накиннутый на плечи плащ, посмотрела в конец тупика, на уходящую вглубь города дорогу.

Их дом стоял тихий и неприметный. Раньше Айре это нравилось. Теперь она поняла, почему они выбрали именно это место: чтобы видеть всех, кто идёт. Сейчас тупик был пуст. Лишь ветер гонял пыль по серым камням да где-то вдалеке перекликались вечерние птицы.

А потом из пустоты проступили силуэты. Трое. В тёмных плащах.

Хранители.

Они не двигались. Просто стояли и смотрели на дом. Ждали.

Айра попятилась, нащупала за спиной дверь и скользнула внутрь. Закрыла засов дрожащими, непослушными пальцами. Прижалась к стене у окна, стараясь дышать как можно тише.

С улицы донёсся крик — пронзительный, женский. Кто-то бежал. Айра узнала голос тётки Милы.

— Ирен! Ирен, беги!

Засов не поддавался — пальцы скользили по гладкому дереву, срывались. Айра рванула дверь и выскочила наружу.

Тётка Мила застыла на месте, прижав ладони к щекам. А Ирен лежала на земле в конце тупика. Двое Хранителей держали её, заломив руки, третий стоял рядом и, обернувшись на звук распахнувшейся двери, смотрел прямо на Айру.

— Хватайте её тоже! — бросил он, указывая пальцем. — Она такая же грязная, как и её мать.

Слова было трудно разобрать, потому что вместо того, чтобы слушать, все чувства были направлены на обездвиженное тело, вжатое силой в холодный камень, — на её искажённое ужасом лицо, её молящие глаза.

— Беги, — прошептала Ирен одними губами. — Айра, беги...

Сделав шаг вперёд, она замерла. Что-то помешало ей, о чём не сразу даже стало понятно, так как в этот миг чья-то железная хватка сомкнулась на её запястье.

— Стой, тебе туда нельзя!

Глава 4

Вы кто?

— Бежим, если хочешь жить.

Дёрнувшись, Айра попыталась вырваться, но рука, сжимавшая её запястье, держала мёртвой, железной хваткой. Мужчина — она даже не успела разглядеть его лица — тащил её обратно в дом, через кухню, к чёрному ходу. Несмотря на суматоху, в голове успела промелькнуть нелепая мысль из-за только что пойманного запаха подгоревшей каши: мама сильно расстроится, потому что ужин пропал.

— Пусти, пусти! — закричала она, пытаясь вырваться. — Мама!

— Она уже не твоя забота. — Голос незнакомца прозвучал жёстко, сухо, как треск ломающейся ветки. — Сейчас главное — не дать им схватить тебя.

Они вылетели во двор, рванув к забору. Мужчина одним движением закинул Айру на плечо — мир перевернулся, мелькнули опрокинутое небо и серая стена, а затем перемахнул через ограду. Свалившись с его плеча, она больно ударилась коленями о твёрдые камни. Без тени сочувствия он рывком поднял её и потащил дальше.

— Кто вы?

— Тот, кто знает твою мать. Бегом! Не отставай!

Позади послышались крики. Хранители заметили отступление и бросились в погоню. Голоса раздавались всё ближе, топот ног гулким эхом отскакивал от стен домов. Было слышно, как один из преследователей рявкнул: «Они уходят через переулочек! Окружай!» Внутри у неё всё похолодело, и ноги понесли сами, подгоняемые животным слепым страхом. Она больше не думала, не задавала вопросов — только бежала, полностью доверившись чужому человеку.

Неслись они по переулкам, которые Айра знала с пелёнок, а сейчас, в сумерках, освещённые косыми тенями, эти места казались чужими, враждебными. Мужчина вёл её уверенно, сворачивая то в одну тёмную арку, то в другую, — словно знал город лучше неё, и это пугало едва ли не сильнее погони. Крики преследователей то приближались, то отдалялись, но не смолкали. В какой-то момент она уловила топот на параллельной улице и поняла: их берут в клещи.

— Сюда!

Толкнув её в щель между домами — настолько узкую, что пришлось протискиваться боком, царапая плечи о грубую штукатурку, — он последовал за ней. Айра вывалилась в крохотный дворик, заваленный ржавым хламом и битыми горшками. Следом, с куда большим трудом, протиснулся мужчина — его одежда трещала по швам, цепляясь за стены. Они затаились за кучей мусора. Мимо щели протопали несколько пар ног — звук шагов прокатился и стих. Только тогда незнакомец позволил себе выдохнуть — долгий, свистящий выдох. И Айра наконец смогла его разглядеть.

Он был высок — выше любого мужчины, каких ей доводилось видеть в Триречье. Седая жёсткая щетина покрывала впалые щёки. Глубокие морщины изрезали лицо, как трещины на высохшей земле. Но страшнее всего выглядела левая рука: неестественно искорёженная, переломанная в нескольких местах и сросшаяся кое-как, бугристая и скрюченная. Правая, которой он держал Айру, оставалась здоровой и сильной.

— Вы кто? — снова спросила она, уже тише.

— Кейн, — бросил он. — И у нас очень мало времени.

Он подвёл её к неприметной двери, врезанной, казалось, прямо в каменную стену. Нажал на что-то скрытое — дверь подалась бесшумно, открывая чёрный зев подземного хода, откуда вырвался запах сырости и плесени.

— Вниз. Быстро.

Айра застыла на пороге.

— Моя мать...

— Твоя мать знала, что это может случиться. Она готовилась. А теперь иди, или я понесу тебя силой.

В его голосе не было злобы. Только уверенность и ледяное спокойствие, и это почему-то заставило её поверить.

Шагнув в темноту, она ощутила, как холодный, влажный воздух подземелья коснулся лица.

* * *

Подземный ход тянулся, казалось, под всем городом. Айра никогда не подозревала, что такое вообще существует. Кейн шёл впереди, держа в здоровой руке маленький фонарь, и на сырые каменные стены ложились длинные, дрожащие тени. Постепенно бег замедлился до быстрого шага, потом — до обычного. Крики стихли, топот растворился где-то далеко позади. Им удалось скрыться.

— Где мы? — выдохнула Айра, всё ещё сбиваясь с дыхания.

— В остатках старой канализации. Город строили на руинах древнего поселения. Хранители не знают об этом ходе.

— А вы откуда знаете?

Вместо ответа Кейн лишь промолчал, и это молчание давило тяжелее любых слов.

Айра пыталась осмыслить случившееся. Ирен схвачена, Хранители, письма. И этот человек, который назвал её по имени и знает, куда бежать.

— Вы написали те письма, — проговорила она, глядя в его широкую спину. — Хардину. Вы тот Кейн.

Резко остановившись, он обернулся. В неровном свете фонаря его лицо казалось вырезанным из старого дерева — жёстким, неподвижным, изборождённым тенями.

— Хардин мёртв? — спросил он угрюмо.

— Да.

Кейн лишь кивнул — коротко, скупое, будто заранее знал ответ и заранее смирился с ним. Будто смерть старика была лишь вопросом времени.

— Хардин был хорошим человеком. Слишком хорошим для этого мира.

— Кто такие Хранители? — выпалила Айра. — И кто такие Игроки? И почему они охотятся за мной?

Он присел на одно колено, оказавшись с ней почти вровень. Свет фонаря снизу делал его лицо ещё более резким, почти пугающим.

— Помнишь, что случилось, когда тот Хранитель схватил тебя? — спросил он.

Вопрос заставил Айру похолодеть. Чуть больше месяца назад. Она возвращалась с рынка, и один из тех чужаков, что стояли у дома Хардина, перехватил её в переулке, схватил за плечо, грубо развернул к себе. Это напугало её до дрожи. И в тот миг, когда его пальцы впились в её плечо, она *увидела*. Внутри него, в самой середине груди, пульсировал узел — тёмный, плотный, как сплетение гнилых корней. И ей вдруг отчаянно захотелось потянуть за него.

Это случилось само собой, она даже не помнила, как это сделала. Только ощущение рывка, странного и жуткого, — и человек перед ней начал стареть. Кожа обвисла, седые волосы

осыпались на землю, глаза помутнели. Он рухнул на колени с истошным, булькающим хрипом — и спустя миг на земле осталась лишь кучка праха, похожая на свежую золу.

Айра тогда убежала. Никто не заметил, и она никому не сказала — даже матери. При этом сама себя уговаривала, что ей померещилось. Что человек просто упал, а она испугалась и надумала лишнего.

— Я... я не знаю, — прошептала она сейчас.

— Ты видела его Узел, — как отрезал Кейн. — И ты разорвала его.

— Откуда вы...

— Хардин рассказал мне, что нашёл прах Хранителя возле своего дома. А твоя мать говорила, что это случится. Она знала, что ты родишься такой.

— Какой?

Задержав на ней тяжёлый, долгий взгляд, он ответил:

— Той, кто может убивать бессмертных.

Слова повисли в холодном воздухе подземелья. Айра ждала, что он рассмеётся, скажет, что это глупая шутка. Но Кейн не смеялся.

— Бессмертных не существует, — возразила она. — Это сказки. Для детей. Вы что, верите в них?

Вместо ответа он отвернулся и двинулся дальше по тоннелю. Пришлось идти следом.

— Тогда ответь: почему Хранители охотятся за твоей матерью и тобой? Почему Ирен пряталась двенадцать лет? Почему старый Хардин мёртв?

Ответов у Айры не было. Внутри разрасталось что-то, похожее на страх, но гораздо больше — то, чему она пока не знала названия.

— Бессмертные, — заговорил Кейн медленно, не оборачиваясь, — правят этим миром тысячи лет. Они называют себя Созидателями, но для нас они — Игроки. А мы, смертные, для них — пешки на шахматной доске. Войны, голод, революции — всё это их игра. Ставки — наши жизни. А ты... — он остановился и обернулся, — ты — первая, кто способен их уничтожить.

Пламя фонаря, будто услышав и осознав только что сказанное, тревожно затрепетало, заметалось, подхваченное невидимым сквозняком, и Кейн торопливо взялся чинить фитиль. Несколько мгновений он возился с фонарём, давящая тишина нагнетала и без того жуткую атмосферу. Вдалеке послышался ритмичный звук — где-то мерно капала вода: кап... кап... кап... Айра невольно заслушалась, и этот монотонный шум немного ослабил напряжение. Когда огонь снова разгорелся ровно, Кейн продолжил, но уже тише, словно давая возможность осмыслить сказанное:

— Их уничтожить. Ты понимаешь?

— Я никого не убивала, — покачала головой, не желая принимать услышанное.

— Тот человек в переулке, который схватил тебя, — мёртв. Ты разорвала его Узел.

— Он не был бессмертным.

— Не был, — согласился Кейн. — Но твоя сила действует на всех. Просто на смертных это работает быстрее. И жёстче.

Перед глазами снова встало лицо человека, стареющего на глазах, рассыпающегося в прах. К горлу подступила тошнота. Согнувшись пополам, Айра судорожно начала хватать ртом спёртый воздух подземелья.

— Я не хотела...

— Я знаю. — Кейн подождал, пока она выпрямится. — Но теперь ты знаешь, на что способна. И я боюсь, что они тоже знают.

— Кто — они?

— Игроки. Бессмертные. До них уже долетел слух, что в маленьком городке объявилась девочка, которая может их убить.

Айра вытерла рот рукавом — жёсткая ткань оцарапала губы.

— Что им нужно от меня?

— Убить. Или использовать. Бессмертные не могут убивать друг друга — так устроен мир. Но ты можешь. Ты — идеальное оружие.

— Я не оружие! — выкрикнула она, и эхо заметалось под низкими сводами.

— Пока нет, — жёстко сказал Кейн. — Но они сделают тебя им. Если поймают.

Он повернулся и двинулся дальше. Айра осталась стоять, чувствуя, как сырые стены подземелья смыкаются вокруг, сжимают пространство, не оставляя выхода.

— Моя мать, — позвала она непослушным голосом. — Что с ней будет?

— Её увезли. В Арканум.

— Куда?

— Академия. Место, где Игроки готовят своих пешек.

— Но Хранители ненавидят Игроков! Зачем им отдавать маму туда?

— Игроки заплатили, — уклончиво ответил Кейн. — Им нужна твоя мать. Она знает о тебе больше, чем кто-либо. Если мы не успеем — её убьют. Или хуже: сделают одной из них.

Сжав кулаки так, что ногти впились в ладони, Айра почувствовала, как в груди поднялось что-то горячее, яростное, перебившее страх.

— Мы успеем! — бросила она.

Кейн глянул на неё через плечо, и в его единственном здоровом глазу мелькнуло похожее на уважение согласие.

— Держись рядом. И не вздумай использовать силу без моей команды. Каждый раз это убивает тебя понемногу.

— Как?

— Ты чувствовала после того раза слабость? Головокружение? Будто тело не слушается?

Она молча кивнула. Тогда пришлось пролежать три дня в постели, не в силах встать. Мать думала — болезнь, поила отварами, не находила себе места. Айра так и не сказала правды.

— Каждый раз, когда ты рвёшь Узел, ты отдаёшь часть себя самой, — произнёс Кейн глухо. — Если сделаешь это слишком много раз, просто не проснёшься. Твоя сила — не оружие, Айра. Это твоя жизнь. Трать её с умом.

Айра снова кивнула. Дальше они пошли молча, в сырую темноту, из которой, казалось, не было выхода.

Глава 5

Игроки и пешки

Лес встретил их холодом и тишиной.

Сколько они шли, Айра не знала. Подземный ход вывел их к старой мельнице за городом — приземистому, покосившемуся строению, вросшему в землю так глубоко, словно оно пыталось спрятаться от чужих глаз. Крыша местами обвалилась, обнажив трухлявые стропила, а огромное мельничное колесо, застывшее без движения, густо обросло тёмно-зелёным мхом и напоминало останки гигантского зверя. В воздухе стоял запах стоячей водой, ржавчины и мокрого дерева. Где-то под половицами сочилась и журчала вода — остатки старого русла, от которого давно отвели поток.

Дальше Кейн повёл её в чащу, где деревья стояли так плотно, что солнечный свет едва пробивался сквозь кроны, рассыпаясь по мху редкими золотыми пятнами. Воздух переменился: теперь он отдавал прелыми листьями и грибами, тяжёлой сыростью и чем-то древним, нетронутым, как запах самого времени. Под ногами хрустел валежник, и каждый шаг отзывался гулким эхом среди стволов. Где-то вдалеке, надрывно и тоскливо, кричала одинокая птица, и крик её был похож на плач.

Дом, к которому они пришли, стоял на поляне, заросшей папоротником в человеческий рост. Старая охотничья избушка — бревенчатые стены, покосившаяся крыша, насквозь проржавевшие петли. Окна, заколоченные посеребренными от непогоды досками, напоминали замуренные глаза. Кто-то когда-то жил здесь, но давно, и теперь место принадлежало только лесу — глухому, равнодушному, наступающему со всех сторон.

Кейн толкнул дверь плечом — та подалась с неохотным, протяжным скрипом, словно жаловалась на непрошенных гостей. Они вошли внутрь, и Айра сразу почувствовала, как холод пробирается под одежду: здесь было немногим теплее, чем снаружи. На полу пылились два старых матраса, набитые слежавшейся соломой, жестяная печка в углу, груды дров, покрытых паутиной, — вот и всё убранство. Опустившись на колени перед печкой, он сложил щепки шалашиком и высек огонь. Через несколько минут робкое пламя разгорелось, наполнив помещение дрожащим светом и медленным, тягучим теплом. Айра села у печки, обхватив колени руками, и уставилась на огонь. Она не плакала. Ей казалось, что если начнёт плакать, то уже не сможет остановиться.

Рядом, вытянув искалеченную руку к огню, молча сел Кейн. В свете пламени Айра могла разглядеть его лучше. Лицо было изрезано шрамами — старыми, белёсыми, и новыми, ещё розоватыми. Один шрам тянулся от виска до подбородка, пересекая левый глаз. Глаз был мутным, почти белым — слепым. Второй, правый, смотрел остро и цепко, как у хищной птицы.

Одежда на нём была дорожной, потёртой и порванной после погони, с множеством карманов. Из-за пазухи торчала рукоять ножа. На поясе — кошель и несколько кожаных мешочков, туго затянутых. От него пахло лесом, дымом и пугающе острым, металлическим — запахом застарелой крови, как поняла Айра.

— Рассказывайте, — потребовала она, глядя на Кейна в упор. — Рассказывайте всё.

Пошевелив угли ржавой кочергой, он поднял к закопчённому потолку сноп искр.

— Что ты знаешь о бессмертных? — спросил он.

— Ничего. Вернее, знала, что это сказки.

— Как ты уже поняла, это вовсе не сказки. — Помолчав, он продолжил собираться с мыслями; огонь отбрасывал на его лицо пляшущие тени, делая шрамы ещё глубже. — Я уже говорил, что когда-то, очень давно, они называли себя Созидателями. Они пришли в этот мир

и решили, что тут всё принадлежит только им. Они не стареют, не болеют, не умирают. Могут жить вечно.

— И что они делают?

— Играют. — В голосе Кейна проступила горечь. — Когда-то они играли в другие игры. Кто построит лучший город. Кто создаст самую счастливую страну. Кто научит людей искусству или мудрости. Это было их развлечением.

— И что, войн не было?

— Были. Но не такие. Войны были случайностью, ошибкой. А потом... — Устремив взгляд на огонь, он на мгновение замолчал; в его единственном зрачке заплескались золотые язычки пламени. — Потом им стало скучно. Гармония предсказуема. Любовь скучна. И эти ошибки открыли им новую игру: войны, голод, болезни, революции. Кто развяжет самый кровавый конфликт. Кто столкнёт народы лбами. Кто сделает так, чтобы миллионы страдали, а потом — чтобы они же благодарили своих спасителей.

Слушая его, Айра вспоминала обрывки разговоров, долетавших до неё на рынке. «На юге снова война. Говорят, целый город сожгли». «А на востоке голод, люди едят кору с деревьев». «А у нас, в Триречье, пока тихо. Но надолго ли?»

Она всегда удивлялась, почему люди воюют. Зачем? Как можно взять меч и пойти убивать того, кого никогда в глаза не видел? Как можно сжечь город, где живут такие же люди, как ты?

Однажды, года три назад, в Триречье пришли беженцы из соседней долины. Там, говорили, брат пошёл на брата, дети — на отцов. Айра смотрела на их измождённые лица, на пустые, мёртвые глаза — и никак не могла взять в толк: почему? зачем?

Мать тогда шипела на неё: «Не смотри на них. Не думай. Это не наше дело».

Но Айра думала. Думала и не находила ответа.

А теперь Кейн говорил, что за всем этим стоят бессмертные. Что войны — это чья-то игра. Что где-то есть существа, которые смотрят на горящие города и смеются.

— Вы хотите сказать, что войны... все эти войны... — начала она, но голос сорвался, превратившись в сиплый шёпот.

— Да. Всё, что ты видела, слышала, о чём читала, — это их игра. Они дёргают за ниточки, а мы — пешки на их доске.

— Но зачем? Зачем им это?!

— Потому что они скучают, — повторил Кейн, и в его голосе прозвучала вековая усталость. — Ты представляешь, что значит жить тысячу лет? Две? Десять? Всё надоедает. Всё приедается. И единственное, что ещё может вызвать эмоции, — это чужие страдания. Особенно если эти страдания — результат твоей собственной гениальной партии.

Айра сжалась. Ей стало холодно, несмотря на близкий огонь. Эпидемии, голод, смерти миллионов — не случайности, не воля богов, а продуманные ходы в бесконечной партии.

— А Хранители? — продолжала вытаскивать информацию. — Какая у них роль?

Кейн вдруг резко поднялся. Айра вздрогнула, но он лишь подошёл к двери, приоткрыл её на палец и замер, вслушиваясь в ночную тишину снаружи. В щель потянуло холодом и влажностью от мокрой травы. Было видно, что всё в порядке и это просто ритуал, который нельзя пропускать. Через несколько минут он так же молча вернулся к печке, подбросил полено, и пламя благодарно вспыхнуло ярче. Только тогда снова заговорил.

— Ты спрашивала про Хранителей.

Айра кивнула, чувствуя, как внутри медленно разливается тревожное, холодное предчувствие. Её напряжённая поза и широко распахнутые глаза выдавали страх — тот самый, что зарождается не от услышанного, а от того, что ещё только предстоит узнать.

— Хранители — это смертные, которые узнали правду. И решили бороться.

— Но они убили Хардина.

— Да.

— И они хотели убить мою мать.

— Да.

— Получается, они такие же чудовища, как бессмертные?

Молчание повисло в воздухе; Кейн, казалось, подбирая слова. Его искалеченная рука приковала взгляд Айры, но в взгляде проскальзывало что-то, чего она не могла понять, — старая, застарелая вина.

— Они стали такими, — проговорил он наконец. — Не все. Но многие. Когда ты видишь, как твоих друзей убивают, как твою семью превращают в пешки, ты начинаешь ненавидеть. А ненависть делает жестоким. Со временем Хранители стали убивать всех, кто связан с Игроками. Даже тех, кто просто оказался рядом. Даже детей. Их цель — полностью вычистить скверну, как они это называют.

Он поднял глаз на Айру. В нём ярко вырисовывалась боль — потрескавшаяся, как шрамы на его лице.

— Я был одним из них. Один из лучших. Я верил, что мы боремся за свободу. Я убивал. Много. А потом я увидел, как они убили женщину с ребёнком. Ребёнку было три года. Муж этой женщины служил у одного из Игроков. Не сам Игрок — просто слуга. Но для Хранителей этого оказалось достаточно, чтобы уничтожить всю семью.

Кейн замолчал и отвёл взгляд, уставившись на пляшущее пламя с такой силой, будто искал там ответ, которого не находил уже много лет. Казалось, что этот разговор слушают даже стены, — в избушке повисла такая глубокая тишина, что треск поленьев в печке звучал слишком оглушительным.

И в этой тишине Айра вдруг резко разорвала застывший воздух своим вопросом:

— Поэтому вы ушли от них?

Звук её голоса разрезал безмолвие так внезапно, что Кейн вздрогнул, будто очнувшись от забытья.

— Я сказал, что это неправильно. И за свои слова я поплатился... почти жизнью. Они сказали, что я предатель. За это они сломали мне руку, выбили глаз и бросили умирать в лесу. Я выжил. И с тех пор я не Хранитель.

Всё внимание Айры было направлено на его руку, на бельмо, затянувшее глаз, и она чувствовала, как голова начинает кружиться от тяжёлого и горького чувства.

— А моя мама? Откуда вы её знаете?

— Она тоже была Хранителем.

Слова скатились камнями на Айру как удар грома среди ясного неба. Она замерла, широко раскрыв глаза, чувствуя, как земля дрожит под ногами. Мама? Её мама — тихая, осторожная, прячущаяся от каждой тени — была одной из них? Одной из тех, кто убивал, выслеживал, называл её проклятием? В голове всё смешалось: страх, непонимание, гнев — и где-то на самом дне, едва пробиваясь сквозь бурю, крохотная искра гордости. Её мама была охотницей и вовсе не добычей как сейчас.

— Лучше, чем я. — Кейн усмехнулся краем рта. — А потом она встретила его.

— Кого?

— Твоего отца. Ну, как это бывает... Любовь меняет мир. Так и тут — любовь изменила твою мать.

Слова упали, как камни. Айра редко с кем-то обсуждала отца. Даже с матерью у неё это не получалось — Ирен всегда говорила, что сейчас не время. Её дочь ждала этого всю свою жизнь. И каждый раз момент был неподходящий.

— Мой отец... — Айра подалась вперёд, голос дрожал от нетерпения. — Кто он? Он жив?

— Жив. Но скрывается, и никто не может его найти — ни мать, ни я... ни ты.

— Почему моя мама была с ним?

Кейн покачал головой, и тени на его лице качнулись вместе с ним.

— Это не мне рассказывать. Но знай одно: она знала, на что идёт. Она выбрала это сама.

— И она знала, какой я буду?

Он встретил её взгляд, и Айре почудилось, что в его глазу мелькнула жалость.

— Знала, что ты родишься необычной. Знала, что ты сможешь делать то, на что не способен никто. И она согласилась.

— Согласилась на что?

Кейн промолчал.

— Скажите! — Вскочив, Айра сжала пальцы в кулаки; ярость закипела в груди. — Согласилась на что?!

— На всё, — с досадой выпал сухой ответ. — На всё, что будет. Включая сегодняшнюю ночь. Она знала, что её схватят. Знала, что её будут пытаться. Знала, что, возможно, умрёт.

Айра медленно опустилась обратно. Ноги не держали её.

— Зачем? — выдохнула она.

— Потому что она верила, что ты сможешь изменить мир. Остановить Игру. Сделать так, чтобы никто больше не был пешкой.

— Я просто девочка... — прошептала Айра. — Я не могу...

— Можешь. — Наклонившись в её сторону, Кейн заговорил жёстче: — Ты уже можешь убивать бессмертных. То, что ты сделала с тем Хранителем, — лишь малая часть. Твоя сила растёт. И когда ты научишься её контролировать, ты сможешь...

— Я не хочу никого убивать! — выкрикнула она. — Я не хочу быть оружием!

Кейн замолчал. В избушке стало тихо — только огонь потрескивал, да где-то за стенами ухал филин.

— Тогда умри, — сказал он наконец. — И позволь твоей матери умереть. Выбор за тобой.

Сжав кулаки, Айра почувствовала, как ногти впиваются в ладони. Слёзы навернулись на глаза, но она не позволила им скатиться.

— Я хочу спасти её, — сказала она тихо, но твёрдо. — А потом я решу, кем мне быть.

Кейн кивнул — не просто коротким движением, а медленно, с тяжёлой теплотой. Кажется, он хотел что-то добавить, но вместо слов лишь моргнул единственным глазом, в котором на короткий миг промелькнула гордость за эту упрямую девчонку.

— Этого достаточно. Сейчас — достаточно.

Встав, он достал из мешка кусок хлеба и протянул ей. Хлеб был чёрствым, с твёрдой коркой, но Айра взяла его.

— Ешь. Завтра попробуем начать учиться.

— Учиться чему?

— Контролировать твою силу. Если ты не научишься, то убьёшь себя раньше, чем мы доберёмся до Арканума.

Айра откусила кусок. Хлеб был сухим и жёстким, крошки царапали горло, но она жевала — потому что надо. Потому что если она ослабнет, то не спасёт мать. В голове крутилось столько вопросов, что голода она почти не чувствовала.

— Кейн, — снова заговорила она, — если Игроки такие всемогущие... если они правят миром и могут всё... почему они просто не уничтожат Хранителей? Почему позволяют им существовать?

Кейн усмехнулся. Усмешка вышла горькой.

— А зачем охотнику убивать всех зайцев в лесу? Если он убьёт всех — ему станет скучно.

— Я не понимаю.

— Игрокам нужны Хранители. Хранители — часть их игры. Противник, без которого игра пресна. Не будь сопротивления, Игроки управляли бы миром без помех. А это... скучно.

— Но Хранители убивают их слуг.

— Слуги — расходный материал. — Пожав плечами, он продолжил: — Игроки не привязываются к смертным. Умрёт один — придёт другой. А иногда Хранители даже полезны: вычищают тех, кто стал неудобен или слишком много знал. Игроки не пачкают рук. Они вообще не считают Хранителей угрозой.

— А Архум, или как там эта школа называется? Почему Хранители не атакуют её? Там же целый муравейник тех, кто служит Игрокам.

— Арканум, — поправил Кейн. — Потому что Арканум — это крепость бессмертных. — Он взял паузу, давая Айре осознать масштаб. — Там десятки Игроков. У Хранителей нет сил штурмовать такое место. Да и многие из них даже не знают, где он находится. Я узнал лишь в последние годы службы. Арканум скрыт, его так просто не найдёшь.

— Значит, Хранители — просто пешки?

— Все мы пешки, Айра. — Посмотрев на огонь, он мягко, с печальной улыбкой повторил чью-то старую фразу. — «Вопрос только в том, знаешь ты об этом или нет.» Хранители думают, что борются за свободу. А на самом деле они — часть той же игры. Просто с другими правилами.

Чувство безысходности заставило её сильно сжать кулаки, до хруста в костяшках.

— Значит, победить нельзя?

— Можно. Но для этого нужно играть не по их правилам. Нужно переписать саму игру. — Он посмотрел на неё. — На это у нас есть ты, а у тебя твоя сила.

— Вы верите, что я смогу?

Задержав взгляд на ней, Кейн на мгновение замер. В его изрезанном шрамами лице трудно было прочесть эмоции, но в единственном здоровом глазу что-то дрогнуло.

— Я верю, что Ирен не ошибалась ни разу за всё время, что я её знал.

Айра кивнула и доела хлеб.

Позже, когда угли в печке подёрнулись пеплом и избушка наполнилась сухим, ломким теплом, Кейн устроился на матрасе у стены, положив рядом нож — так, чтобы до него можно было дотянуться в любой миг. Айра легла на второй матрас, укрылась колючим одеялом, пропахшим плесенью и старой шерстью, и уставилась в потолок, где плясали отблески догорающего пламени.

Сон не шёл. Она прокручивала в голове всё услышанное, и мысли метались, хаотично ударяя в виски. Её мать годами знала, что однажды за ней придут, — и всё равно осталась. Знала, что родит странного ребёнка, — и согласилась. И этот человек по имени Кейн, бывший Хранитель, изувеченный своими же, теперь вёз её неизвестно куда, потому что верил — или просто не мог иначе.

Повернувшись на бок, Айра стала смотреть в окно. За стеклом медленно, нехотя начало сереть небо — приближался рассвет. Она смотрела, как бледнеет тьма, как проступают очертания деревьев, и чувствовала странное, горькое спокойствие. Всё, что она знала о себе и мире, оказалось ложью или полуправдой. Но впервые за долгие дни у неё появилась цель — пусть страшная, пусть почти невозможная, но цель и надежда.

Я научусь, — пообещала она себе, кутаясь в одеяло. — Я спасу её. И тогда посмотрим, чья возьмёт.

За окном запела первая робкая птица, возвещающая начало нового дня — первого дня её новой жизни.

ЧАСТЬ II

ДОРОГА К ИСТИНЕ

Глава 6

В дороге

Сумрачный лес, куда Кейн увёл Айру, тянулся без конца, и от этого однообразия в девочке закипало глухое раздражение. Кроны смыкались так плотно, что дневной свет превращался в зеленоватые сумерки, а воздух был пропитан влажной землёй, хвоей и грибной прелью. Тишина здесь стояла совсем не та, к какой привыкаешь в городе: она состояла из сотен крохотных звуков — шороха листьев, стука дятла, падения шишек, неразборчивого шёпота ветра в верхушках сосен. Городскому жителю такие звуки незнакомы; Айра училась различать их на ходу, каждую минуту боясь пропустить шум опасности.

Счёт дням потерялся давно. Каждое утро походило на вчерашнее: ранний подъём в серой, влажной мгле, холодный перекус из горьковатых кореньев и ягод, жёсткая ходьба через чащу. Кейн шагал впереди, раздвигая мокрые ветки и прокладывая дорогу, а Айра брела следом, стараясь не отставать. На коротких привалах он учил её узнавать съедобные растения — показывал на тонкие зелёные перья дикого лука, торчащие из прелой листвы, или предупреждал о безобидных на вид поганках.

— Вот это, — он сунул ей под нос сморщенный гриб с липкой шляпкой, — смерть быстрее стрелы. Увидишь такой — даже не трогай.

Собирали всё, что годилось в пищу: горьковатые ягоды можжевельника, кислые дикие яблоки, мелкую рыбу в ледяных ручьях, которую Кейн оглушал камнем. Однажды ему удалось поймать кролика, и Айра, заслышав хруст сухожилий, отвернулась, но позже съела свою долю с жадностью, какой сама от себя не ожидала. Жёсткое мясо пахло дымом, и даже без соли оно казалось пиром.

Ночевали на земле, завернувшись в плащ Кейна. Места для ночлега всегда выбирали с расчётом: спина должна быть прикрыта упавшим стволом или валуном, а впереди открываться пологий склон — «чтобы не подкрались незаметно». Под переключку ночных зверей Айра быстро привыкла засыпать и просыпалась от первого, ещё робкого щебета птиц.

Куда они идут, она больше не спрашивала. Кейн сказал: «В Арканум» — и этого хватало. Что такое Арканум, представлялось смутно, но знала твёрдо: там её мама, а значит, там и ответы.

Тело, впрочем, было не согласно с её решимостью. Ноги гудели от усталости, плечи ныли от мешка с припасами — Кейн намеренно нагрузил её, чтобы «привыкала к тяжести». Девочка понимала, что он прав, но всё равно злилась — на его молчание, на жёсткую складку у губ, на то, что этот чёрствый на чувства мужчина почти не улыбается, на то, что вырвал её из детства и окупил в мир, где надо драться и выживать.

— Остановись, — скомандовал Кейн, когда солнце поднялось к зениту и жара стала невыносимой.

Они расположились у ручья. Прозрачная вода, перекатываясь через гладкие голыши, наполняла воздух прохладой и тихим, убаюкивающим журчанием. Солнечные блики плясали на поверхности, и казалось, что всё русло усеяно золотыми монетами. Рухнув на землю, Айра

почувствовала, как горят мышцы. Кейн молча достал из мешка кусок вяленого мяса и протянул ей.

— Ешь.

— Не хочу.

— Я не спрашиваю. Твоё тело — твой инструмент. Сломается — ни матери, ни себе не поможешь. Будешь есть, когда не хочешь. Спать, когда страшно. Идти, когда нет сил. Поняла?

Молча взяв мясо, она вгрызлась в жёсткие волокна, которые скрипели на зубах, отдавая дымом. *Наверное, так и должен вести себя отец,* — мелькнуло у неё. *Строгий, требовательный, но желающий добра. Может, Кейн и есть тот, кем должен был быть мой отец?*

Взглянув на воду — прозрачную, быструю, Айра вспомнила, как мать водила её на речку в Триречье. Тогда Ирен ещё улыбалась, а мир казался простым. От этих воспоминаний в груди разлилось тепло, смешанное с тоской.

— Кейн, — позвала она.

— Ммм?

— Вы говорили, моя мама была лучшей среди Хранителей. Лучше вас. Что это значит?

Отложив еду, он уставился на неё единственным глазом, не мигая, изучая. Тишина между ними стала плотной, как вода.

— Это значит, она была умнее, быстрее и безжалостнее всех нас. Выслеживала Игроков там, где другие не находили следа. Проникала туда, куда мужчины боялись сунуться. Она была... — Кейн осёкся, подбирая слова. — Она была той, ради кого стоило жить.

— Вы её любили?

Он криво дёрнул ртом — не усмешка, а горькая судорога.

— Любил? Я был готов убивать за неё. И убивал. Но она выбрала его... Элиана. — Тишина затянулась, только ручей журчал где-то рядом. — Тогда я не понимал. Думал, она свихнулась, думал, он её околдовал. А теперь... теперь мне кажется, Ирен была умнее всех нас. Видела на несколько ходов вперёд, когда мы ещё только прикидывали текущий. Её партия была продумана заранее.

— Что вы имеете в виду?

— Что войну с Игроками не выиграть их же оружием. Бессмертных не победить, становясь такими же чудовищами.

Айра жевала мясо и переваривала его слова, смотрела на Кейна и думала о матери — как та сидела у окна каждую ночь, сжимая побелевшими пальцами подоконник. Знала ведь, что однажды придут. Знала — и всё равно осталась, оберегая дочь. Но знала ли она, что теперь делать самой Айре? Понимала ли, чем обернётся её план?

— Почему вы не спасли её раньше? Почему ждали?

Кейн долго молчал, глядя на бегущую воду. Солнце переместилось, и теперь его лицо наполовину скрывала тень, отчего шрамы казались ещё глубже.

— Потому что действительно любил. Боялся, что прогонит. Надеялся, что её не найдут. А ещё... — голос стал глухим, — не хотел видеть её снова. Слишком больно было смотреть, как она живёт своей жизнью. Без меня.

Опустив глаза, Айра смолчала. Ей хотелось кричать на него за промедление, но она не посмела. Сама не имела права судить.

— А теперь? — вместо осуждения последовал вопрос чуть тише, будто их кто-то подслушивал. — Теперь больно?

Кейн взглянул на неё, и в зрачке дрогнуло что-то, похожее на раскаяние.

— Теперь я должен искупить глупость. Спасти её или умереть, пытаюсь.

* * *

Вечером, у костра, Кейн продолжил обучение — и это походило на семейный пикник в лесу. Пламя отбрасывало тени на стволы сосен, искры уносились в чёрное небо, а вокруг пахло горячей хвоей и нагретой землёй. Скрестив ноги, Айра смотрела, как угли переливаются алым и золотым цветами.

— Ты видишь Узлы, но не различаешь их. Для тебя они пока на одно лицо, — заговорил он, вытаскивая из мешка уголёк.

На плоском камне он нарисовал круг.

— Узел бессмертного — большой, плотный, пульсирует, как сердце. Чем старше бессмертный, тем сильнее пульс. Узел смертного — маленький, слабый. Почти не движется. — Он ткнул точку в центре круга. — Ты должна научиться видеть разницу. Если случайно разорвёшь Узел смертного — убьёшь его. Если Узел бессмертного — сделаешь его смертным, или убьёшь сразу, если он прожил слишком долго.

Вновь в памяти всплыло лицо Хранителя, рассыпающегося в прах. На этот раз желудок не сжался, но внутри похолодело.

— Я не хочу никого убивать, — пытаюсь оправдаться, прошептала Айра.

— Тогда учись различать.

Все её мысли крутились вокруг этого рисунка. Ей по-прежнему хотелось рисовать совсем другое: солнышко, их уютный дом в тупике, печку, занимавшую половину кухни. Вместо этого приходилось вглядываться в угольную кляксу на камне и пытаться представить, как пульсирует чужая жизнь.

— Как я пойму разницу? — спросила она.

— Придёт с опытом. Или с интуицией. Я заметил, что ты чувствуешь намерения людей за секунду до того, как они сами их осознают. Это твой дар, Айра. Это твоя сила. Используй её.

Перед мысленным взором промелькнули воспоминания: мужчина с лысиной, поворачивающийся через три секунды; старушка, роняющая корзинку; юноша, что помог поднять корзинку и незаметно сунул яблоко в карман. А потом — ощущение чужого взгляда на рынке, липкого и тяжёлого, от которого мурашки бежали по спине.

Зажмурившись, Айра попыталась почувствовать Кейна. Он сидел напротив — от него исходили усталость, боль, страх. Но страх не за себя — за неё, за Ирен, за то, что он опять не успеет.

— Ты боишься, — подметила она.

Кейн промолчал, но когда Айра открыла глаза, заметила его удивлённый взгляд.

— Боюсь, — признался он наконец. — Что опоздаем. Что Ирен умрёт. Что ты умрёшь.

— Я не умру, — отрезала Айра.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я ещё не сказала ей, что прощаю её. — Глаза защипало, но она сдержалась.

Кейн смотрел на неё долго, потом кивнул:

— Держись за это чувство. Оно поможет выжить. А сейчас давай устроим ночлег — дальше идти нет смысла, да и место уютное.

Поднявшись, он захватил охапку хвороста и принялся сооружать подстилку под раскидистой елью. Ветки приятно пахли смолой. Айра помогала молча, расстелив плащ поверх хвои. Через несколько минут у них получилось что-то вроде гнезда — не слишком мягкое, но сухое и скрытое от посторонних глаз.

* * *

Ночью лес был тих и почти не страшен. Где-то вдалеке перекликались ночные звери, и под их голоса сладко спалось прямо на земле, укрытой ветками кустов.

Айре снился дом — не тот, серый и тесный, а светлый, с большими окнами, выходящими на луг. Снилось, как она бежит босиком по траве, а мать сидит на крыльце и улыбается прежней, беззаботной улыбкой, какой Айра не видела уже много лет.

— Айра, беги сюда, я испекла твой любимый пирог!

Она неслась, чувствуя, как трава щекочет пятки, как ветер развеивает волосы, как сладко пахнет миндалём из открытой двери. Уже почти добежала, протянула руку, чтобы коснуться матери...

— Тш-ш-ш.

Чья-то ладонь зажала ей рот. Распахнув глаза, Айра смотрела на склонившегося Кейна — бледного, с широко распахнутым зрячим глазом. Палец прижат к губам — «молчи».

Она не услышала ничего. Ни треска, ни шагов. Но Кейн смотрел не в одну точку, а медленно водил головой — слева направо, справа налево. Как зверь, который чувствует опасность, но не может понять, откуда.

Присмотревшись, Айру сковал страх от увиденного.

Из темноты, шагах в пятнадцати, блестели глаза. Одна пара. Жёлтые, холодные, немигающие. Волк стоял недвижимо, вцепившись когтями в землю, и от этой каменной неподвижности становилось по-настоящему жутко. Шерсть на загривке сливалась с ночной тьмой, и только глаза горели, как два болотных огонька.

Что-то в звере было неправильно.

Айра прищурилась. Глаза волка двигались — но не по-звериному плавно, а осознанно, сканируя пространство. В глубине зрачков, едва различимая, мерцала тонкая золотистая нить.

Узел. Не такой, как у людей, — спутанный, искореженный, неестественный. Он пульсировал глубоко в груди волка, и от этого ритма у Айры похолодели кончики пальцев.

— Кейн, — выдохнула она беззвучно. — С ним что-то не так.

— Уже то, что он здесь, — нехорошо. Волки в этих лесах не водятся. — Он не сводил с волка единственного глаза. — Чую: за ним кто-то стоит.

Медленно, не произведя ни шороха, Кейн потянулся к костру и нащупал горящую ветку.

— Не смотри ему в глаза. Для волков это вызов.

— Игроки, — осенило Айру. — Это волк Игроков. Я вижу нить.

Кейн метнул на неё быстрый удивлённый взгляд, но тут же осознал услышанное.

Слева хрустнула ветка — резко, тревожно, как выстрел в тишине.

Второй волк выступил из мрака почти беззвучно. Крупнее первого, старше. Морда в старых шрамах, одно ухо разорвано. Взгляд у него был страшнее — абсолютно пустой. Не злой, не голодный. Кукольный. Мёртвый.

— Вожак, — прошептал Кейн. И с иронией добавил. — Вожак, который чужая игрушка.

Волк не рычал. Просто стоял и ждал, и в этом ожидании было что-то неестественное — будто невидимая рука держала его на коротком поводке. В лунном свете его шрамы казались белыми нитями, а разорванное ухо придавало ему вид старого, многое повидавшего воина.

Кейн медленно поднялся. Горящая ветка в правой руке, левой он заслонял Айру.

— Когда скажу — уползай. Не беги — бросятся сразу. Ползи тихо, как мышь, и не вставай.

— А ты?

— Я их задержу.

Вожак сделал шаг. Не прыжок, не бросок — спокойный, уверенный шаг. Сигнал: «Я готов». Земля под его лапами почти не шевелилась — зверь ступал с неестественной, жуткой грацией.

— Беги! — выдохнул Кейн сквозь сжатые зубы.

Как добралась до старого дуба, Айра не помнила. Она ползла, вжимаясь в мокрую землю, царапая локти и колени о корни, не смея дышать. Ветки хлестали по лицу, грязь набивалась под

ногти, но это было совсем не важно, даже незаметно. За спиной взорвался короткий, хлёсткий рык. Треск ломающихся веток. Глухой удар тела о землю. Айра зажмурилась, молясь, чтобы это был не Кейн. Волчий визг прорезал ночь — высокий, тонкий, как натянутая струна, готовая лопнуть. И резкая, звенящая тишина.

Айра сидела, вжавшись в ствол дуба, а в голове проносились картины одна страшнее другой, заполняя грудь тёмной пустотой. Обхватив колени руками, тихо раскачивалась, кусая губы до крови.

— Всё кончено, — прошептала она. — Всё вот так быстро кончено.

Её ужас и панику прервал вышедший, шатаясь, из-за деревьев Кейн.

В первое мгновение Айра приняла его за призрак. Одежда насквозь пропиталась кровью — в основном чужой, тёмной, блестящей в лунном свете. Левое плечо неестественно свисало, нож в правой руке подрагивал. Он шатался, но шёл — каждый шаг давался с видимым усилием.

— Ты... живой, — выдохнула она. — Я думала, ты умер.

От пережитого она и не заметила, что перешла с ним на «ты».

— Я тоже так думал. — Кейн попытался ухмыльнуться, но вышло криво. — Видно, смерть пока не торопится за старыми грешниками. И спасибо, что перестала разговаривать со мной как с дедушкой. Давай уж на «ты». — Помолчал, тяжело дыша. — Почему их было только двое? Волки ходят стаями.

— Ты... ты использовал свою силу? — быстро согласилась с новым обращением Айра.

— Нет. — Мотнув головой, он скривился от боли. — Моя сила — в ноже и в ненависти. Это не требует платы. А вот твоя... — он посмотрел на неё, — твоя требует. Запомни: её нельзя тратить часто, её вообще пока нельзя тратить. Ты ещё слаба; думаю, тебя хватит раза на три, не больше.

— Достаточно для чего?

— Для того, чтобы больше не проснуться.

Выдержав паузу, Кейн дал Айре переварить услышанное, а сам привалился спиной к дереву, успокаивая дыхание. В наступившей тишине слышалось только её собственное сердце и далёкое уханье совы.

— Ты говорила, что видела их узлы. Какие они? — спросил он.

— Да, какие-то другие. Не такие, как у Хранителя.

— Игроки, — пробормотал Кейн. — Стало быть, они могут управлять не только людьми, но и всем, где есть Узел. Даже волками. Может, и деревьями, если захотят.

Айра подползла ближе. Руки всё ещё тряслись, и она сжала их в кулаки, чтобы унять дрожь.

— Зачем им волки?

— Развлечение. Или проверка. — Он поморщился, перехватывая нож поудобнее. Лезвие в лунном свете блеснуло холодной синевой. — Может, кто-то из них следил за нами и решил поиграть. А может, — он понизил голос, — почуял что-то в тебе. И захотел посмотреть, что ты делаешь.

Кровь отхлынула от лица Айры.

— Я ничего не сделала.

— Именно. И это правильно. Если бы ты разорвала тот узел, бессмертный с другой стороны сразу узнал бы: кто-то оборвал нить. Понял бы, что «игрушка» перестала слушаться. И начал бы искать. Они все начали бы искать.

— А ещё я могла бы умереть, — с горьким пониманием добавила Айра. — Я ещё слишком слаба, чтобы рвать узлы.

— Ты быстро учишься.

Разорвав рубаху на полосы, Кейн принялся перевязывать плечо. Айра смотрела, как он ловко управляет одной рукой, и чувствовала собственную беспомощность. Ткань пропитывалась кровью, пальцы его двигались уверенно, но она видела, как напряжена его челюсть.

— Давай помогу.

— Сиди. Смотри и запоминай. — Он вытащил из внутреннего кармана мешочек, высыпал на ладонь горсть сушёных трав. От мешочка тянуло горечью и летним лугом. — Подорожник — останавливает кровь. Тысячелистник — заживляет раны. Завтра найдёшь такие же в лесу.

— Я читала о них в маминых книгах. А ты откуда знаешь?

— Жизнь научила. — Кейн затянул узел зубами. — Когда тебя оставляют умирать в лесу, ты либо учишься лечить себя, либо умираешь. Я выбрал первое.

Глава 7

Ловушка

После той ночи они решили, что идти лесом была не самая удачная мысль. Встреча с волками дала им понять со всей ясностью: такой путь смертельно опасен. Кейн решил, что отныне они будут держаться ближе к дороге, пробираясь вдоль неё полями и перелесками. Так безопаснее. Это ещё хорошо, что на них вышли всего два волка. А если бы целая стая? А если бы медведь, разбуженный от спячки?

Как только лес расступился и они вышли на открытое пространство, шаг сам собой ускорился. По ровной, утоптанной земле идти было куда легче. В лицо дул свежий ветер, с запахом сухой травы и далёким дымком — где-то жгли костры. Рука Кейна оставалась плотно перевязана почерневшей от крови тканью, рана явно болела, но он не жаловался. Просто шёл вперёд, иногда останавливаясь, чтобы перевести дыхание и обтереть пот со лба здоровой рукой.

По тому, как он слабеет, Айра догадалась без слов. Кожа приобрела сероватый оттенок, под глазами залегли тени, дыхание стало чаще и поверхностней. Хотелось предложить отдых, но она понимала: остаться здесь — значит умереть. И всё равно тревога росла.

— Кейн, — решила она заговорить, чтобы отвлечься от страха. — Они нас найдут?

— Кто?

— Ну, Хранители. Ведь там, дома... — В памяти всплыл последний взгляд матери, её протянутая рука, её молящие глаза. Слёзы подступили к горлу, но она сдержала их, сжав зубы. — Когда схватили маму, они хотели схватить и меня. Значит, они про меня знают и тоже ищут?

— А ты соображаешь. — Кейн не обернулся. — Да, они тебя ищут и, скорее всего, найдут.

— И что мы будем делать?

Кейн остановился так резко, что Айра едва не врезалась ему в спину. Повернулся к ней, и она увидела, как осунулось его лицо за одну только ночь. Щетина стала белее, шрамы — глубже.

— Помнишь, что мы вчера обсуждали? Ты должна научиться использовать силу осознанно. Не в панике, не от страха, а когда действительно нужно. Иначе, когда они нападут, ты либо убьёшь себя, либо дашь им схватить нас.

— Нам надо больше учиться, — не стала спорить Айра.

Он кивнул и указал на упавшее дерево — старый замшелый ствол, пересекавший тропу, словно длинный мост, уложенный самой природой. Кейн и сам, похоже, обрадовался поводу остановиться: сил идти дальше уже почти не было.

— Сядь, — велел он, опускаясь на ствол и вытягивая больную ногу. — Закрой глаза. Почувствуй меня.

Послушно опустившись рядом, Айра прикрыла веки. Сначала — ничего. Только глухая темнота, шум ветра в траве да собственное неровное дыхание. Она сосредоточилась, пытаясь унять дрожь в затёкших ногах и свинцовую тяжесть в плечах.

— Я ничего не вижу.

— Неправда. Ты видишь не глазами. Ты чувствуешь. Не спеши. — Голос Кейна звучал глухо, но спокойно. — Дыши. Ровно. Глубоко.

Втянув холодный воздух, наполненный ароматом скошенной травы и влажной земли, медленно выдохнула, словно отпуская напряжение вместе с дыханием. Ещё вдох. Ещё выдох. И вдруг на самой границе сознания что-то мелькнуло. Похожее на то, как в кромешной темноте кто-то зажжёт далёкую, крохотную свечу.

— Я... я вижу что-то, — прошептала Айра.

— Что именно?

— Свет. Тёплый. Слабеющий. Как угли, которые догорают. — Она старалась удержать это ощущение, не спугнуть.

— Это я, — произнёс Кейн. — Моя жизнь. Мой Узел. Ты видишь его. А теперь найди во мне другое.

— Что?

— Не задавай вопросов. Просто ищи.

Айра углубилась в свои ощущения. Тёплый, мягкий свет Кейна был повсюду — он словно наполнял его фигуру изнутри, как фонарь, прикрытый тканью. Но где-то там, в самой глубине, под этим свечением пряталось что-то ещё. Она потянулась к этому чувству — и тьма перед внутренним взором расступилась, будто отдернули плотный занавес.

И увидела нечто, похожее на лезвие. Холодное, острое, спрятанное глубоко в его сердце. Оно пульсировало в такт дыханию, но не сливалось с ним — жило отдельной, обособленной жизнью.

— Я вижу, — выдохнула она. — Что-то острое. Холодное. Оно... оно как нож, который спрятали внутри.

— Это моя способность, — отозвался Кейн. — «Видение следов». Она позволяет мне видеть прошлое. Кто прошёл, что делал, куда направился. Я читаю следы, как ты читаешь книгу.

— Как ты... как ты её получил?

— Родился с ней. — Он пожал здоровым плечом. — Не все способности приходят от рождения, но некоторые — да. Можно назвать это ошибкой проектирования. Или даром. Смотря с какой стороны поглядеть.

— Ошибкой?

— Когда Игроки создавали этот мир, они не всё предусмотрели. Иногда в людях прорастает что-то, чего быть не должно. Мы зовём это искрой. У кого-то она слабая — просто чутьё, интуиция. У кого-то — сильная. Как у тебя.

— А почему она есть у тебя?

Кейн хмыкнул — коротко, невесело.

— Потому что я родился в семье, которую Игроки уничтожили. Может, это компенсация. Может, проклятие. Не знаю. И знать не хочу. В любом случае ты её нашла, это хорошо. Запомни, как она выглядит. Запомни, как чувствовать такие вещи в других.

— Зачем?

— Потому что однажды ты будешь собирать их. Способности павших. Это твой дар. И твоё проклятие. — Кейн повернул голову и посмотрел на неё в упор. — Проклятие в том, что ты можешь умереть от этого, точно так же, как умираешь, когда рвёшь Узел. Тебе нужно быть очень осторожной. Поэтому мы и учимся контролировать твои силы.

Открыв глаза, Айра огляделась. Мир вокруг неё не изменился — те же холмы, то же бледное небо, та же пожухлая трава под ногами. Но внутри появилось что-то новое, словно она научилась смотреть на мир под другим углом. Словно у неё открылся ещё один глаз.

— Хватит на сегодня, — решил закончить обучение Кейн. — Давай лучше поедим, раз уж остановились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.